Прекрасно однажды в России родиться!
В. Коротаев

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 1 (21), март 2018 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

* * *

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

М. Ю. Лермонтов

* * *

Блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою.

А. С. Пушкин

* * *

Владыки и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.

Я. В. Смеляков

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

ДА ПУСТЬ ИДУТ...

Да пусть идут! Кто хочет – пусть уходят.
Готовят паспорта и корабли.
А то, как дрожжи бешеные, бродят
И пузыри пускают на земли.
Пусть все уйдут, кому Россия – сука,
И не жена она кому, не мать.
И мы тогда обнимемся друг с другом
И скажем: «Слава Богу! Хватит спать!»
Не упрекая и не сожалея,
Сомкнём ряды и, поглядев вокруг,
Мы вспомним всё, что любим и умеем.
И будет отдыхать нам недосуг.

Вам не понять, чего Россия стоит.
И почему её не продаём.
Мы говорим: «Оставьте нас в покое
И бросьте умирать». Мы не умрём.
Вы всё украли. Вот и успокойтесь.
На золотом живите этаже.
Водою вашей мёртвою умойтесь.
Живая не поможет вам уже.
И рухнут технологии и фейки.
И вдосталь нарожаем мы детей.
Мы Родину поднимем без копейки
Своей любовью к Родине своей.

В Международный день писателя в Вологде прошла премьера сборника произведений начинающих писателей Вологодской области.

В качестве благотворителя выступил депутат Госдумы РФ Евгений Шулепов, который в 2017 году стал учредителем литературной премии «В начале было слово». В сборник вошли произведения участников премии.

Книга была представлена в центре культуры «Красный угол». Сборник молодых авторов будет передан во все областные библиотеки России.

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, КНИГА!

Учредитель премии «В начале было слово» – Евгений Шулепов

ДРУЗЬЯ, поздравляю всех с Международным днем писателя! Так символично совпало, что именно в этот день мы отметили день рождения сборника первой региональной литературной премии «В начале было слово», которая была мною учреждена в прошлом году с целью поддержки начинающих поэтов и писателей Вологодчины. Праздник состоялся в культурном центре «Красный угол». На день рождения книги собрались более 100 человек – поэты, писатели, читатели, критики, филологи со всей области. Сюда приехали гости из самых дальних уголков нашего края – Великого Устюга, Кичменгского Городка, Никольска. Это значит, что наша книга была словно желанный ребенок – ее ждали, мечтали поскорее увидеть и подержать в руках!

А ощущения от книги самые приятные. Редактор сборника – член Союза писателей России Александр Александрович Цыганов, проделал отличную работу по его оформлению и содержанию. Качественный переплет, твердая обложка, интересные дизайнерские находки внутри – все это привлекает. Сборник хочется полистать, рассмотреть и, конечно, почитать! Потому что не менее заманчиво и содержание. В результате серьезного конкурсного отбора в книгу вошли лучшие произведения соискателей премии. Стихи и проза сорока авторов размещены в сборнике. Но выбрать было непросто, хотелось опубликовать всех! Важно, что для большинства авторов публикация в книге премии – первая в жизни! Так, например, для нашего лауреата в номинации «Большая проза» Елены Аникиной премия «В начале было слово» стала дебютом. О том, что она пишет рассказы и романы, не знали даже близкие друзья! А теперь о ее творчестве и работах ее коллег по литературному цеху узнает вся Россия!

Сборник будет представлен во всех областных библиотеках страны. Он станет визитной карточкой молодой вологодской литературы. А для авторов, вошедших в книгу, сборник будет неким паспортом творца. Такую метафору придумал сегодня лауреат премии в номинации «Поэзия» Сергей Корчнев, сравнив красный цвет обложки книги с корочками паспорта. Прямо на сцене у него родилась такая импровизация с отсылкой к старославянскому алфавиту, из которого мы утеряли несколько букв:

Их было когда-то всего 46,
Забыты и ферти, и ижицы.
Но то, что осталось, записано здесь –
У нас в краснокожей книжице!

Вот так, вдохновившись премией, литературным семинаром и сборником «В начале было слово», наши авторы на ходу придумывали новые тексты, чтобы радовать читателей. А в этом и состояла задача премии – дать молодым поэтам и прозаикам стимул к творчеству, показать их возможности, поддержать и помочь дойти до своего читателя. Нам это удалось – таков итог первой премии!

На премьере книги об этом говорили и начинающие авторы, и профессионалы – члены Союза писателей, рецензенты книги, ученые, журналисты. Благодарен всем за добрые отзывы! Они вдохновили меня продолжать начатое дело. Поэтому сегодня объявляю старт второй региональной литературной премии «В начале было слово» для начинающих поэтов и писателей Вологодской области! На моем сайте в специальном разделе http://eshulepov.ru любой желающий может подать заявку на участие. Для этого достаточно направить на сайт свои произведения в соответствии с требованиями Положения второй премии.

В этом году оргкомитетом принято решение увеличить число номинаций. Теперь их будет четыре: «Поэзия», «Малая проза», «Большая проза» и «Детская литература». До 31 октября мы будем принимать произведения от авторов. Параллельно совместно с профессиональными поэтами и писателями Вологодчины проведем серию районных литературных семинаров. Это будут обучающие практикумы, в ходе которых, уверен, мы найдем много талантливых людей в глубинке.

В ноябре жюри будет заниматься отбором произведений и подведением итогов. 25 ноября, как и в прошлом году, мы соберемся все вместе в Вологде на региональном литературном семинаре-практикуме, куда в качестве экспертов приедут известные в России и за рубежом поэты и писатели. На семинаре мы объявим и наградим лауреатов второй премии.

Итогом этой работы также станет выпуск сборника. Правда, в следующем году мы сделаем его иллюстрированным. Тексты будут сопровождаться рисунками учащихся Вологодской художественной школы имени Корбакова. Сейчас там под руководством директора Натальи Петровны Кулижниковой обучается 1600 талантливых детей! Многие их картины написаны по мотивам произведений классиков вологодской литературы, а теперь ребята будут творить, читая сборник молодых авторов. Так что к концу года мы наберем серьезный художественный материал, и во второй книге представим прекрасный симбиоз искусства – литературы и живописи!

Итак, еще раз благодарю всех причастных и неравнодушных за работу и желаю удачи соискателям второй премии «В начале было слово»!

Учредитель премии
«В начале было слово»,
депутат Государственной Думы РФ
ШУЛЕПОВ Е. Б.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Роберт БАЛАКШИН

РОДНОЙ ГОРОД

I

ГОРОДА, как и люди, имеют свои дни рождения. У одних они документально зафиксированы в государственных актах, истоки других – в сказаниях и легендах, след которых теряется в тёмной дали веков. А наша родная Вологда ведёт отсчёт своего исторического бытия с сентябрьского дня (19.8./1.9.) 1147 года, когда на берег реки Вологды после многомесячных странствий пришёл киево-печерский инок Герасим. Увидев здесь небольшое поселение, он срубил невдалеке от него келью, «прорицая ту быти граду великому, и святей церкви воздвигнутися, и святителем водворитися» (из тропаря преподобному Герасиму).

Конечно, преподобного Герасима привела на вологодские берега непостижимая воля Господня. Если человек не появляется на белый свет без промысла Божия о нём, то, что говорить о городах, которые люди населяют? Вблизи того места, где был погребён первочеловек Адам, основался святой град Иерусалим; на семи холмах в долине Тибра воздвигся владыка мира – имперский Рим, а в центре среднерусской равнины зародилась и расцвела могучим древом дорогая каждому русскому человеку Москва. Так и здесь, в дремучих северных лесах, для высокой и завидной судьбы возник чудо-город с певучим, протяжным именем – Вологда. Многое услышится в этом имени чуткому уху и любящему сердцу: и накатный плавный бег речной волны, и долгий вздох таёжного бора под упругим порывом ветра.

В глухих таёжных чащобах проезжие дороги были редки, наиболее удобным и безопасным путём являлись реки, и стоявшая на реке Вологда была как бы воротами в неизведанные северодвинские края, за которыми лежал Урал с иными народами, обитавшими там, с залежами железной руды и драгоценных камней-самоцветов. Поэтому за право обладания Вологдой шла многолетняя упорная борьба между удачливыми новгородскими ушкуйниками, давно проторившими сюда пути, и молодым Московским княжеством, год от года набиравшим державную силу. С XV века Вологда – удел московских князей, верный и надёжный оплот белокаменной столицы, собиравшей вокруг себя Русь.

Напоминанием о былом родстве с Новгородом служит нам церковь Варлаамия Хутынского, единственная в городе носящая имя новгородского святого. Многие другие храмы (главным образом приделы в них) поименованы в честь ростовских и московских святых – Леонтия Ростовского, Сергия Радонежского, митрополита Алексия и др.

В эту пору Вологда видела князя Дмитрия Шемяку, великих князей Василия Тёмного, Ивана III, Василия III. Поразному приходили князья в Вологду: бывало, с добром, а случалось, и с лихом, и тогда жгли, грабили и разоряли город. Но чаще приезжали на богомолье и по различным государственным нуждам. Город рос, строился. В будние дни слышался стук плотничьих топоров и молотков каменщиков, удары кувалд в кузницах и корабельные команды на реке. А в ярмарочные и воскресные дни торжища и улицы города кипели смехом и песнями, праздничным говором. Бурлила переменчивая, созидательная жизнь. От тех лет до нас не дошло ни одного храма, ни одного жилого дома, только иконы, старинные книги да предметы быта в музее безмолвно повествуют нам о минувшем времени.

Неоднократно наведывался в Вологду и подолгу жил здесь первый русский царь – Иван Васильевич IV Грозный. С его славным именем связана постройка Софийского собора – драгоценнейшей жемчужины Вологды. Ничто в городе не может сравниться с этим белым, как лебединое крыло, собором, одинаково прекрасным в зимнюю стужу и в меланхолично-задумчивый осенний день, в мечтательную белую ночь и в майское лучезарное утро. Находясь в разлуке с отчим домом, вспоминаешь в чужих краях двор, где вырос, семью, друзей, и обязательно – Софию, как утешительный символ вечности города, как залог того, что ты вернёшься в родные места.

В Смутное время Вологду потрясли трагические события. Поляки, воспользовавшись оплошностью воевод, внезапно овладели городом. В пору княжеских междоусобиц тоже бывало разное, жизнь омрачалась бесчинствами и грабежами, и всё же сознание, что перед тобой свои, русские люди, удерживало иной раз гневную руку от крайнего злодейства. Но что могло остановить иноземных врагов? Со страниц летописей и житий святых до нас доносится ужас происходившего. В те дни был замучен поляками святой старец Галактион, ценой своей жизни спасший внучку от насильников, а позже в трапезной Спасо-Прилуцкого монастыря приняли огненную смерть страдальцы-монахи.

С воцарением на престоле династии Романовых мир и покой снизошли на русскую землю. Вологда окончательно утвердилась в числе наиболее крупных городов державы Российской. Послы европейских государств проезжали через неё и останавливались в ней, иностранные купцы населяли целую слободу в городе (в районе теперешней Фрязиновской улицы). Случались в городе пожары, когда выгорали целые улицы, но город отстраивался заново. В 1655 году Вологду поразило моровое поветрие (эпидемия чумы), и горожане во избавление от несчастья по обету построили Спасообыденную церковь, одну из немногих обыденных церквей на Руси. К сожалению, утратившие родовую память, помрачённые разумом потомки не сберегли её, редкостная святыня была разрушена уже в наши дни.

На рубеже XVII–XVIII столетий неутомимый царь Пётр I, исколесивший, пожалуй, пол-России, пять раз посетил наш город. Хлопот и трудов было не счесть: восстановление и перевооружение армии после Нарвского разгрома, усиление Архангельской крепости, которую пытались захватить шведы, учреждение навигацких школ, открытие типографий.

С основанием Санкт-Петербурга значение Вологды как торгово-хозяйственного центра понизилось, что вовсе не значит, будто жизнь в ней стала унылой, застойной, провинциальной в уничижительном смысле этого слова. Привыкнув измерять жизнь экономическим аршином, мы считаем: чем больше фабрик и заводов в городе, чем выше товарооборот пристани и купеческих контор, тем богаче, интересней и содержательней в нём жизнь. Однако куда выше ценностей, производимых фабричным, заводским трудом, ценности духовные, а им удобнее созревать и произрастать в тишине. В городе и в XVIII веке строились красивые храмы и дома, писались книги, в гимназии учились дети, многие из которых впоследствии прославили Отечество на ратном поле, на поприще науки и медицины, литературы и искусства. В тишине провинциального города проникновенней творится молитва, чище и естественней чувства, устойчивей быт. В провинции, в несуетной жизни захолустных городков, рядом с деревней, с земледельческим, почвенным трудом созидался наш русский характер, в котором наряду с беспечностью и разгульной открытостью души подспудно присутствует тяжеловатая, патриархальная основательность, та твёрдость и непреклонность верований, убеждений и привычек, которые выручают русского человека в самые трудные моменты его жизни. Отсюда его немногословная, но стойкая любовь к Отечеству, неутомимость в труде и неприхотливость в повседневной жизни, здоровое недоверие к иностранцам, как к людям, неспособным понять нас, и потому упование на свои, народные силы, а не на помощь со стороны.

Когда на нашу землю хлынуло французское нашествие, Вологда была глубоким, прочным тылом действующей армии. В Спасо-Прилуцком монастыре хранились сокровища Московских соборов и Троице-Сергиевой лавры. Величайшие святыни Отечества, доселе находившиеся в отдалении друг от друга, чудесным образом на короткое время собрались вместе. Можно сказать, что в те дни Вологда была духовным средоточием всей России.

За год до своей блаженной кончины Вологду посетил император Александр Благословенный. Почти сто лет коронованные особы не посещали город, и поэтому приезд императора оставил глубокий след в губернской жизни. Царя ждали, Ему были рады, Его встречали и принимали со всей щедрой открытостью гостеприимного сердца. Почётной наградой звучат и поныне слова Государя: «Всё Мною виденное в Вологде, далеко превзошло Моё ожидание».

В XIX веке в городе было построено большинство каменных гражданских зданий, спланированы бульвары, разбиты парки и скверы, сложилась система улиц и дворов. Заборы, отделявшие один двор от другого, способствовали созданию в каждом из них своеобразного, удивительного для постороннего пришельца мира. Эти миры образовывали вселенную города. Та Вологда с её обликом действительно русского северного города была видна взору во всей полноте милого очарования старины ещё каких-то тридцать лет назад. Как грустно и больно думать, что на наших глазах, никого не спросив, невежды городские правители уничтожили это рукотворное чудо.

В XIX веке в Вологде побывало много исторических лиц. Озабоченный подготовкой великой Крестьянской реформы, в 1858 году в город приезжал Император Александр II Освободитель, позднее великие князья Владимир и Сергей Александровичи, великая княгиня Елизавета Фёдоровна (ныне прославлена в лике святых), государственные деятели К. П. Посьет, К. П. Победоносцев, М. И. Хилков, И. К. Григорович, писатели М. П. Погодин, И. Ф. Анненский, И. А. Бунин...

Но наступило время, и над городом взвихрилась революция, пушечной пальбой на Северном фронте загрохотала гражданская война. Было всё: митинги и революционные песни, красные знамёна и субботники, а по ночам (и не только по ночам) обыски, аресты и расстрелы в ЧК. Нет зла и отмстительной досады в душе, но что-то неизбывчиво тлеет в ней. И, когда шагаешь благодатной пасхальной ночью по спящему, милому городу, вдруг повеет в сердце холодок давней предрасстрельной тоски, и горько шепнёт нежный голос: зачем, зачем всё это было? Зачем убивали их, молодых, сильных красивых офицеров, юнкеров и гимназистов, не меньше нас любивших Россию? О такой ли свободе мечтали в вологодской ссылке Бердяев и Ремизов, вышвырнутые большевиками на чужбину? Гуляя по вологодским улицам, мог ли догадываться Савинков, чем обернётся для него борьба с самодержавием? Ах, было, всё было, и, не приведи Господь, чтобы повторилось вновь. А ведь немного было нужно, чтобы отвести беду: всего лишь нелицемерно любить и жалеть друг друга, не давать росткам зависти и подлости прорасти в душе злобой, нужно было любить город, его дома и улицы, деревья и цветы, ведь город – частица нашей души – тоже страдает вместе с нами.

Двадцатые и тридцатые годы справедливо называют тяжёлыми годами. Море ненависти, взволнованное революцией, не могло утишиться в одночасье, отсюда подозрительность, доносы, осуждение виновных и страдания невинных. Но было ведь не только это. Были книги и песни, радостный труд и любовь. Люди любили наперекор всему, радовались жизни, мечтали и строили новую жизнь. И, как знать, куда бы повернулась она, если бы не 22 июня 1941 года.

С 1613 года война не подходила так близко к городу, а тут надвинулась на него в вое пропеллеров, в грохоте бомб: вражеские самолёты долетали до самой Вологды. Немецкое командование рассчитывало к зиме 1941 года выйти на линию Архангельск – Сталинград – Астрахань. Что стало бы с нашим городом, осуществись эти планы?

Едва ли красовались бы по-прежнему Софийский собор и Спасо-Прилуцкий монастырь, изысканная Сретенская церковь и величественный храм Николая Угодника во Владычной слободе. Герои, остановившие врага под Москвой, отважные бойцы, отбросившие немцев за Тихвин, защитили Россию, Вологду, тысячи русских городов и деревень. В рядах Красной Армии сражались и сыны вологодской земли. Свыше ста Героев Советского Союза дала Вологодчина Родине.

Отгремели залпы победных салютов 1945 года, демобилизованные воины вернулись домой, страна восставала из бездны горя и страданий.

Пятидесятые годы – годы обновления и надежд, время полётов первых искусственных спутников Земли, когда в тёмные октябрьские вечера толпы вологжан выходили на улицы, высматривая ползущую среди звёзд по ночному небосводу крошечную, мерцающую искринку. Город начал широко расти, завершилось строительство льнокомбината, приостановленное войной, на железной дороге появились первые тепловозы, а на реке теплоходы, строились заводы «Электротехмаш» и ГПЗ, реконструировался «Северный коммунар». Наступил расцвет деятельности писательской организации и организации собратьев художников. Были написаны новые книги, созданы живописные полотна, театр радовал зрителя интересными постановками. Не забылась, ещё свежа в памяти недавняя борьба против переброски северных вод на юг и, кажется, совсем вчера бушевали первые митинги перестроечной поры.

Вологде более восьми веков. Всё постепенно меняется в городе, и он сам, и люди. Его история ещё ждёт своего летописца, своего Карамзина, который опишет родную Вологду вдумчивым, чутким и вдохновенным пером. Всё меняется, но одно должно оставаться и остаётся неизменным – любовь к тому месту, где ты родился, где жили и погребены твои предки, а через любовь к своему городу сильней возгорится, станет живей и теплей любовь к нашей матери – великой России.

II

На улицах этого города, на просторах его площадей, в загадочной, манящей глубине его переулков, на берегу реки вот уже шесть десятилетий течёт моя жизнь.

Грудным младенцем родители привезли меня сюда из деревни Коротыгино, где я родился. Отец, работавший в войну директором совхоза, неизлечимо заболел, стал инвалидом и был вынужден перебраться в город. Раннее моё детство, та захватывающая дух эпоха знакомства с жизнью, прошло во Флотском посёлке, окраинном городском уголке, причудливом скоплении сараев, домов и бараков, где проживало романтичное и временами буйное и нетрезвое племя водоплавателей-речников: капитанов и штурманов, механиков, кочегаров и матросов, шкиперов, грузчиков, буфетчиц и их детей.

Наш одноэтажный домик, в котором жили ещё четыре семьи, выходил торцом на мощёный булыжником Советский проспект. Лошади на проспекте встречались чаще машин. Зимой по нему тянулись длинные обозы с сеном. Мы бегали цепляться за сани, а возчики сгоняли нас. Один из них, однажды хлестнув кнутом наотмашь, пребольно ожёг меня прямо по лицу. Дома в большой комнате (так принято было её называть, хотя вся наша квартирка была меньше нынешних больших комнат) над комодом в раме висел потемневший от времени портрет Сталина. Долгое время я думал, что это изображён отец. Этот портрет, старинные часы с боем, вместительный резной буфет, первые книги, которые я любил перелистывать, ещё не умея читать, красочные альбомы о военно-морском флоте, посланные дядей из Москвы, мои немудрё-

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

ные игрушки и многое, многое другое: одежда, посуда, бельё – всё сгорело дотла в пожаре летом 1951 года.

В том деревянном доме я за один вечер с помощью отца выучил азбуку и начал постигать премудрость грамоты. Придя из пароходства, отец вечерами читал мне русские народные сказки, стихи Жуковского и Пушкина, Лермонтова и Некрасова, прозу Гоголя, басни Крылова. Помнится, как я навзрыд плакал при чтении «Тараса Бульбы». Я многого не понимал в повести, но волшебство слов, сила чувства, клокотавшая в них, находила отзыв в нежной и сострадательной детской душе. Видимо, вскоре после этого я вздумал сочинить стихотворение о казаках, едущих по степи. Дальше первой строчки дело не пошло, но та первая попытка творчества отложилась в душе.

Летом мы бегали на реку купаться, залезали, как в пещеры, в щели среди тюков ивовой коры, горой возвышавшихся на берегу, во дворе играли в прятки, в вершки, в лапту, в ножички, сражались на палках, запускали воздушного змея, а ребята постарше, укрывшись за сарайками, играли в деньги. Битку отливали из свинца или использовали военную медаль с отломанным ушком. Война, окончившаяся всего пять лет назад, напоминала о себе повсюду: книжками в детском саду, военными песнями в застолье, безногими инвалидами, просившими милостыню на улицах...

Уходить от дома далеко не разрешалось, но что поставит преграды мальчишескому любопытству? Украдкой мы покидали двор, совершая вылазки к турундаевскому сельпо, к ветке-пристани, ощущая себя первооткрывателями новых земель. И ведь, на самом деле, для нас они были новыми, неизведанными.

В палисадничке возле нашего дома были вскопаны две грядки, на которых скорее для моего лакомства, чем для пропитания, сеяли морковку и репу. Тут же отец посадил акацию, она прижилась, украшаясь по весне жёлтыми душистыми цветами.

Теперь ничего этого нет – ни дома, ни акации, ни сараев, ни самого Флотского посёлка. Он застроен большими каменными домами, и ничто уже не напоминает о его былой сказочной жизни. Я почти не прихожу сюда. Если только забреду случайно. Да, рано или поздно посёлок должен был исчезнуть, не ютиться же людям век свой в бараках, но видеть его исчезновение мне печально.

В 1956 году родителям дали квартиру на Содимском переулке. Я был против переезда, но моего согласия не много и спрашивали. А я ещё долго бегал в посёлок к друзьям-приятелям, и сейчас помню их.

В связи с переездом меня определили в другую школу (нынче здесь институт усовершенствования учителей), где я и совершал свои бесчисленные «подвиги», после которых в школьном дневнике появлялось очередное замечание, а дома меня ждали попрёки отца и укоризны матери. Отец с матерью не пороли меня ремнём, не ставили в угол, не дёргали за уши и волосы, они очень любили меня, хотя им приходилось со мной не сладко. Я был поздним ребёнком и представляю, каково было отцу в 60 лет переносить сумасбродства 14-летнего, одержимого фантазиями подростка, неуёмного говоруна, забиравшегося по водосточной трубе на балкон второго этажа, и с дикими воплями папуаса проносившегося по квартире.

Со школьными проказами и забавами, с ненасытным чтением книг, с влюблённостями в девочек-соседок и одноклассниц, с поездками в пионерлагеря, с посещениями судомодельного и театрального кружков в Доме пионеров, мчалось, подобно весеннему, шалому потоку, отрочество.

В каникулы мы залезали на крышу дома, загорали и рассматривали город, ещё малоэтажный. Там и тут к небу устремлялись кресты церквей и шпили колоколен, разноцветные пространства крыш перемежались зелёными островами деревьев в парках. Спустившись вниз, босые, в сплетённых из бумаги тюбетейках или в панамах, мы пускались в дальние странствия. Пирс на берегу реки, пруд и огромный склад СУХУРПа за Петропавловской церковью, старая мельница на берегу Золотухи, сортировочная горка на железнодорожных путях, всё притягивало своей необычностью, возможностью приключения.

А приключения бывали не только сухопутные.

Прежде на месте Дома мебели и далеко за ним находилась обширная глубокая котловина, по весне заполнявшаяся водой из разливавшегося Шограша. Кто теперь поверит в это? Скажут – басня, сон, а сон этот был явью: перед нашими домами, где тогда жило столько весёлых и задорных парней и девчонок, возникало огромное, широкое озеро. На лодке, построенной Гошей Петровым (вечная ему память), по протокам Шограша, скользя над покрытыми прозрачной толщей воды зелёными лугами, мы выходили в реку Вологду.

Шограш возвращался в свои берега, а высохшее дно озера раскапывали под огороды. Эта низина была одним из плодородных мест города. Здесь снимали богатейшие урожаи картошки и моркови, огурцов и лука. Промысел огородничества издавна процветал в Вологде, и когда городские огороды оказались наглухо покрыты асфальтовой корой новых дворов, люди стали объединяться в садоводческие кооперативы, как же русскому человеку жить без земли? Сколько раз росистой августовской ночью, возвращаясь с танцев, я захаживал на этот огород, чтобы перекусить дармовым хрустящим огурцом или сочной морковиной.

Деревянный двухэтажный дом на Содимке жив-здоров до сего дня. Как многое помнит он! Сюда почтальон приносил мне письма от зарубежных друзей (переписка с социалистическими братскими странами, одна из светлых замет того времени), здесь летом 1959 во мне вновь вспыхнул огонёк творчества. Я решил написать фантастический роман о полёте людей на Солнце. Про полёты на Марс, Венеру и даже Юпитер я читал у многих фантастов, а на Солнце – ещё ни у кого. Я писал роман усердно, дня два или три, а, может, и целую неделю, люди у меня на солнце прилетели, а что с ними стало потом, уже и не вспомнишь: разрозненные листки с текстом «романа» затерялись. Повесть о пиратах я принялся писать в общей тетради, поэтому она уцелела. Каким-то образом мне было известно, что **настоящие** писатели правят рукописи, и сейчас – по прошествии стольких лет! – трогательно видеть тетрадные страницы, исчерканные рукой подростка, с переносами и заменами слов, с пометками на полях о дальнейшем развитии действия. Это была ещё игра, правда, уже похожая на подлинную жизнь. И всё же – игра; писательский труд требует волевого усилия, терпения. Но легко ли усидеть за столом, когда в дверь квартиры ломятся друзья, зовут ехать на велосипедах в Молочное.

Сюда, в этот дом, зимним метельным вечером я пришёл потрясённый до глубины души. Я с детства любил петь и не пел, пожалуй, только когда спал. Но ни одна песня не шла в сравнение с тем, что я увидел в тот вечер в кино. В тёмной пустоте кинозала меня захватила и понесла могучая стихия музыки. На экране перед моим заворожённым взором разворачивалась горестная, трагическая история любви Германа и Лизы. Несколько дней я не слышал ничего кроме запомнившихся, летучих отрывков из оперы. И без того легко возбудимый, я был настолько взволнован, что не мог спать. Герман, Лиза, Елецкий, страшная графиня живыми стояли передо мной.

Гениальная опера П. И. Чайковского сказала мне, тогда ещё не задумывавшемуся о будущей жизни, о высоте истинного искусства, к которой должен стремиться художник. Необходимо будить в душе наивысшую музыку чувства и мысли, лишь тогда придут, засветятся, зазвучат единственно верные, живые слова.

А ведь и по сей день сочиняется тьма рассказов, повестей, романов из холодных, глухих, так и не оживших в сердце писателя полумёртвых слов.

Иногда мне думается, что если бы я не увидел «Пиковую даму», я не стал бы писателем.

В нашей жизни переплетены «поэзия и правда». В детстве жизнь является ребёнку в радостном ореоле новизны и познаваемой тайны. В отрочестве, и далее – в юности – порывами остужающего ветра приходит понимание, что бок о бок с поэзией существует суровая правда. Прелесть и драматизм ранней юности в этом зыбко-опасном равновесии: то, что подростку привычно видится детской забавой, простительным баловством, для неопытного, доверчивого юноши может обернуться бедой. Блажен, кто благополучно, без жестоких душевных утрат прошёл по этой грани, вдвойне блажен тот, кто и во взрослой жизни сберёг огоньки поэзии детства.

Всё явственней приближалась взрослая жизнь и ко мне. В 1960 году я поступил в строительный техникум, находившийся тогда на Советском проспекте. Зачем я сделал это – не знаю, должно быть, за компанию с друзьями, ибо к сопромату, статике сооружений у меня не было ни малейшего влечения. Но поступил и сдал по всем этим предметам экзамены, мучился с курсовыми проектами. Почти ничего не осталось в памяти от тех лет, словно ветер продул её насквозь. Помнятся лица друзей, преподавателей, да осенью поездки в колхоз. На втором курсе нас послали в Нюксенский район, в деревню Красавино, раскинувшуюся на обрывистом, грандиозном берегу Сухоны. Днём мы дёргали лён, копали картошку, возили тары с молоком на маслозавод и таскали в овин мешки с зерном, а после работы, хохоча и толкаясь, «рубились» на поскотине в футбол без правил. Вечером же, отчистив от налипшей грязи сапоги, уставшие, поужинав парным молоком с чёрным хлебом, при свете керосиновой лампы слушали радиопередачи о Робертино Лоретти.

В те годы доживал свой век, основательно покорёженный колхозным устройством, коренной быт русской деревни с его привычкой к труду, грубоватой добротой и молчаливым перенесением тягот и лишений. Мы – горожане – дивились крестьянской жизни, не помня, что наши родители и деды были вчера крестьянами, подсмеивались над ней, а она находила отклик в родственных ей юных душах. Несомненно, во многом благодаря тем поездкам в деревню, десятилетия спустя, я начал вдруг задумываться о себе, как о русском, по капле выдавливая из себя безликое, интернациональное, в массовом порядке прививавшееся всем нам.

Между тем наступила зима 1964 года. Мы сдавали выпускные экзамены, защищали дипломы, а в карманах у нас уже лежали повестки из военкомата.

Армия решительно переменила меня. Вырванный из уютного мирка любивших меня и маявшихся со мною родителей, из весёлого окружения беззаботных, таких же, как я, шалопаев-друзей, я оказался безжалостно брошен в пучину солдатской жизни, с её приказами и командами, бесконечными построениями, с нелепой строевой подготовкой, с громовым пением в строю посреди бела дня, с подъёмами и отбоями, с мучительной тоской по дому...

Оглушённый, ошарашенный всем происходившим вокруг меня, я замкнулся в себе, отгораживаясь от этого непонятного и пока никак не умещавшегося в моём сознании мира. Поневоле исполняя всё требовавшееся от меня, я жил своей, скрытой от всех душевной жизнью. Именно в армии я задумался о себе, пристальней и серьёзней вглядываясь в прошедшую жизнь. До сих пор жизнь моя текла ровным, естественным ходом. Из детства вырастало отрочество, его сменила юность. Армия разорвала эту последовательность. Было очевидно, что когда-то и армия останется в прошлом. А что дальше? Вспоминая юность, пьяные похождения на танцы, хулиганские приключения, я трезво увидел, что так можно прошляться и всю жизнь, когда день привычно цепляется за день, год за год, и... неужели я для этого родился на свет?

Разумеется, процесс самовоспитания очень длителен и сложен (разжаловали же меня за что-то из сержантов в рядовые), на этом пути воодушевляющие подъёмы чередуются с унылой последовательностью буден и падениями, но я глубоко благодарен армии за тот сильный, вразумляющий толчок, который она дала мне.

Именно в армии смутное желание писать, творить стало для меня ясной целью. До армии я никем не хотел быть, жил бездумной, растительной жизнью. В Риге, в полковых казармах на улице Гауяс, в летнем лагере школы сержантов в окрестностях светлой Валмиеры во мне родился писатель. Я стал вести дневник, записывая в него картины природы, случаи из армейской жизни с диалогами и портретными зарисовками сослуживцев. Я снова вернулся к чтению. В части была замечательная библиотека, и я, фактически заново, читал Толстого и Тургенева, Гоголя и Пушкина, Блока, Фета, а также Лондона, Хемингуэя, Гейне, Гомикаву...

С таким душевным настроем в 1967 году я вернулся в мой город, чтобы не разлучаться с ним больше никогда. Все три года службы он незримо был со мной. Я помнил о нём, мечтал вернуться, в письмах матери и отца, друзей и подруг я слышал его голос, и знал, что он тоже ждёт меня.

После армии я работал в управлении культуры, трудился бетонщиком на домостроительном комбинате, землекопом, каменщиком-трубокладом, обмуровщиком котлов, дворником, ночным сторожем, был актёром самодеятельного народного ТЮЗа.

В 1969 году мне дали квартиру в старом, деревянном доме на улице Калинина, где мы прожили с женой 17 счастливейших лет! В этом доме прошли многие заветные часы и дни моей жизни, и, умирая, я буду вспоминать комнату, из которой был виден храм Андрея Первозванного,– там я написал свой первый рассказ. В том доме выросли и воспитались наши дети, а сколько замечательных людей побывало в моей просторной, с таинственным полусумраком комнате, в которую никогда не заглядывало солнце.

Если что-то действительно любишь, оно никогда не надоест, от него не устанешь, и в благодарность за твою любовь оно воздаст тебе в полной мере. Вологда была и остаётся для меня средоточием мира, и потому я не люблю никуда ездить. Здесь, в Вологде, для меня Святая Земля и Троице-Сергиева лавра, Рим и Веймар, Александрия, куда прибыл в погоне за Помпеем Цезарь, и Париж, где умирает бедная Виолетта. Здесь для меня – поле Фарсала и Бородина, здесь Лиза у окна читает письмо от Германна, здесь Вернер Хольт идёт ранним утром по пляжу с Марией Крюгер, а старец Гёте встречается с подругой юности Шарлоттой Буфф, здесь раненный Алексей Турбин убегает от петлюровцев, а шмелёвский Серёжа слушает рассказы доброго Горкина, здесь Бернар де Мержи убивает на дуэли Коменжа, а каторжник Провис выплывает на середину Темзы...

В детские годы я открывал город как родную, но незнакомую мне страну, теперь я стремлюсь познать его в истории. Приходя в минуты раздумья к Софии или шагая зимой по замерзшей реке, перелистывая старые газеты в областной библиотеке или открывая архивные дела, я вспоминаю тех людей, которые построили для нас этот город, тех, кто писал здесь книги и картины, создавал научные труды и ставил спектакли, кто пал за нас на полях сражений, кто молился о нас в давние годы и молится нынче, молитвой освящая и укрепляя нашу жизнь.

Я вспоминаю живших со мною и ныне живущих добрых людей, которым я обязан многим. Гёте сказал, что писатель (как, впрочем, и любой человек) существо коллективное, в каждом из нас соединены воли, вложены пожелания, мечты и труды многих людей. Первыми в этом ряду стоят мои любимые родители – Александр Иванович и Мария Ивановна, бабушка Александра Васильевна, наметившая для меня в далёком детстве тропку в Божий храм, братья Олег и Валерий, сестра Лилия, в скудные послевоенные годы приносившие младшему братишке в гостинец редкую конфету или яблоко. Я с лаской вспоминаю друзей детства, первую учительницу, преподавателей техникума и весёлых парней-сокурсников, полковых офицеров и солдат-однополчан, собратьев-писателей, заботливо опекавших меня и принявших в свой дружеский союз...

Пройдут годы. Как это ни печально, но все мы уйдём. А город останется. Будут стоять храмы и дома, в струящейся реке будут отражаться облака и звёзды, будет бурлить иная, новая жизнь, а над нею, как отлетевшее дыхание, как наши не умершие мечты и думы, по-прежнему будут шуметь высокие, вечные тополя.

НОВОЕ ИМЯ

Ольга СЕЛЕЗНЁВА

ГДЕ ЗОВ ВЕКОВ – К ТЕБЕ И СКВОЗЬ ТЕБЯ...

СТИХИ

ЗЕМЛЯ

Со мной моё тихое время и дней постоянство.
Но выйду из дома однажды, и сердце замрёт,
Случайно услышав тоскующий голос
пространства,
Почувствовав остро внезапный его разворот.
Как будто забытое мною мне кем-то пропето.
И снится зачем-то широкая хлебная жатва;
Сосна на окраине поля – всей грудью к рассвету,
Вся радость зари у неё на груди –
так к сердцу прижата
На самой любимой странице раскрытая книга.
И запах у жизни всё тот же: пустынный, целинный,
И в тех же пропорциях, заданных с первого мига,
Сочится и мёдом, и ядом её сердцевина.
Под толщею дёрна и ратями чертополоха
Всё кроется в почве, в её закромах голубых,
Пока она тихим, тяжёлым, медлительным вздохом
Не тронет зерна и не станет причиной судьбы.
Я выйду в поля, я проникнусь их долгим терпеньем,
Живущим от малости мужеством, горечью их.
Я вспомню: нет выше призванья,
чем быть утешеньем
Земли и полей, до поры безнадёжно пустых.

НАЕДИНЕ

Рассвет был неясен, и от пробужденья
Вдоль смены погоды, тянувшийся день,
Был грустью заполнен и медленным чтеньем,
Раздумьем и недомоганьем. Мигрень
Уже от затылка сползала на плечи,
Уже за окном в ожидавшем саду
Сиял ожидаемой прелестью вечер,
И, встав от стола, я решила: пойду.
Пойду уже в сумерках, как на свиданье
К тому, кто далёких и близких родней.
Пойду, загляну в глубину мирозданья,
Проведаю речку и небо над ней.
Знакомая ночь, тишина и берёзы...
Дорога исхожена тысячу раз.
И всё, что меня окружает, угрозы
В себе никогда не таит. Но сейчас
Наедине со Вселенной немного
Жутко... Чуть зябко стало спине,
Когда в одночасье, безмолвно и строго
Лучистым лицом повернувшись ко мне,
Громадная, тихая звёздная милость
Накрыла собой с головой, и во мгле
Душа, словно книга, так пышно раскрылась:
Страницами – к небу, обложкой – к земле.
Листай же, листай за страницей страницу!
Смотри же, как памятью древних томов
Обильно вспоённый во мне колосится
Посев предыдущих сердец и умов!
И, может быть, вся моя вера – оттуда,
Из той пустоты, где с великим терпеньем
Уж целую вечность, как встречного чуда,
Вселенная ждёт моего откровенья.
И, может быть, вся моя сила – для этой
Земли, где восходы и дни так печальны,
Где миг лишь живу, но хоть пригоршней света
Смогу обнадёжить и ближних, и дальних...

* * *

Из ниоткуда в сёла-города
Идут года в одеждах чёрно-белых;
И равнодушны эти господа
К любой душе, живой и неумелой.
И никаких заслонов у души,
Как будто кто-то непреклонный в здание
С сознаньем прав вошёл и притушил
Её всегда текучее мерцание.
И никакой надежды на ответ –
Ей, выжившей в ночи подвальной ниши,
Где под пластом однообразных лет
Она всё молчаливее и тише.
Но, может быть, душа – светлым-светла,
И убыли не претерпела, просто,
Как тот ручей под снегом – замерла
В предчувствии движения и роста.
И как ручью из казематов белых –
К самой себе иного нет пути,
Как только выйти за свои пределы
И самою себя перерасти.
О, как громоздок всякий лишний час,
Которым меряется теснота острога!
У Бога много милости для нас,
У нас так мало радости для Бога.

АБХАЗИЯ

От скученности зимних городов,
От дел бессмысленных и слов пустых уводит
К библейской ветхости и зелени садов,
К теням и надписям на каменистом своде.
Где милостями юга и востока
В ущелье том, без времени, без дна,
У самых ног – молочный рёв потока,
Младенческая снов голубизна.
И, видимо, земля не так кругла,
Когда из древности распахнутой ступени
К ступням моим, омытым добела,
Как кони вздыбленные рвутся в белой пене.
И памяти не изменить, любя
Земной простор в опаловом обводе,
Где зов веков – к тебе и сквозь тебя,
И жаждой жизни вечность превосходит.

КРЕЩЕНИЕ

Заиграл кусок огня лампадного
Над лесами, будто бы в приходе
Совершится таинство обрядное,
И кому-то в голову приходит
Взять полотна ткани шевиотовой,
Пасма шёлка в бисерной глазури
И торжественную гладь вымётывать
Белыми стежками по лазури,
Чтоб взглянувший замолкал и щурился,
И потом весь день глядел с прищуром –
Так слепят, сверкая, нити люрекса
В королевских чопорных гипюрах.
Прозвенит пророчеством оракула
Над округой карканье воронье –
Дальний лес в мутоне и каракуле
Не дохнёт, ворсинки не уронит.
Так земля моя под зимней стужею
Принимает долгое крещенье.
Драгоценные меха и кружево –
Это ей в награду за терпенье.

ЗАКАТ

Как шаткого, в ночи нелепой кружит
Под действием дурмана, иль вина –
В водовороте щепкой неуклюжей
Меня кружили года времена.
И дни, как волны, шли навстречу мне,
Накатывали тяжестью булыжной,
И в каждом новом дне, как на волне,
Всё ненадёжно было и подвижно.
Всё было скрыто водяной завесой.
Лишь поздней осенью и раннею весной
Закат в поросшей мохом пасти леса,
Как дивный зверь, стоял передо мной.
Из сумрака развилок и расщелин,
Стволов мохнатых, волосатых пней
Смотрел он на меня, как из пещеры,
Сквозь сеть очерченных огнём ветвей.
Атласный блеск сбегал с багряной шкуры,
Ложился в первые, последние снега
И тонкой пылью золотисто-бурой
С деревьев сыпало в еловые рога.
Он был, как остров, в широко бурлящем
Разливе жизни – в качке межсезонной,
Он постоянным был и настоящим,
И останавливалась я ошеломлённо.
Из серой мглы реальностью бессрочной
Мир проявлялся. В центре был закат.
Меня к земле спасительно и прочно
Приковывал его короткий взгляд.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

И, кажется: всему я знаю цену,
Когда последний свет в лесах горит.
Ночь падает, как занавес – на сцену,
И темнота, как пыль, в глаза летит.
И, кажется: приснился небылицей
Закат – огня заоблачный залив.
И, кажется, что темнота дымится,
Его, как кит – Иону, проглотив.
Но что замыслила судьба над смуглым лугом?
Над ельником, во мгле и влажном лаке?
Там что-то совершается в упругом,
Ходящем волнами лиловом полумраке.
Там что-то двигают, кроят, перешивают,
Всколыхивая гибкую портьеру,
Взволнованно шепчась, переживая,
Как перед вновь задуманной премьерой.
От неизменных правил отступают,
Свергают догмы и крушат основы,
Чтоб мир вовеки был неисчерпаем.
И каждый день оказывался новым.

XV СЪЕЗД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Александр ПРОХАНОВ

(г. Москва)

ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО ВЕРНУТЬСЯ В ЛИТЕРАТУРУ

В Москве прошёл XV съезд Союза писателей России. Избран руководящий состав СП России. Председателем Союза писателей избран Николай Иванов, сопредседателем – Сергей Шаргунов, председателем Высшего творческого совета избран Валерий Ганичев, первым секретарём правления СП России избран Геннадий Иванов.

С речью на съезде выступил писатель Александр Проханов.

В 1991 году страшно, с треском падала красная держава. В том проклятом августе из Москвы убежали танки Язова. КГБ смотрела из своих пылающих огнями ночных окон, как подвешивают на тросе её лидера – Дзержинского. Партийцы, эти вельможные секретари партийных организаций, которые учили нас бороться, жертвовать собой, любить родину, унеслись, как дым. Всё разошлось, разбежалось. Кроме писателей. Я помню ту страшную и великую ночь, когда на Комсомольском проспекте, 13, в нашем писательском дворце, мы, русские писатели, затворились и давали отпор тем, кто нас старался оттуда выкинуть. Префект Музыкантский, которого прислал Лужков, Евтушенко вели свою либеральную рать, чтобы выкурить нас из нашего дома. Мы заложили окна стульями, креслами, мы закрылись там и пили водку, молились, пели, целовались, братались. И мы отстояли свой дом. Это была победа в ночь поражения. Писатели совершили огромную незабываемую победу. Потому что тогда, в этих сидениях, в песнях, когда мы пели «Варяга», и зародилось сегодняшнее Государство Российское. Тогда мы дали отпор той тьме, той чёрной страшной силе, и с тех пор продолжаем отстаивать нашу страну, нашу Родину.

Государство ведь не просто отказалось от нас в 1991 году, оно не просто бросило нас. Оно на нас ополчилось. Оно, государство, называло русских писателей фашистами. Оно называло фашистами Бондарева, Распутина, Белова. Когда наша писательская организация приехала в Нижний Новгород, где губернатором был Немцов, он отказался нас принимать, сказав: «Я не хочу встречаться с фашистами».

И в эти страшные годы диффамации, когда слово «русский» в устах либералов было тождественно слову «фашист», Союз писателей существовал. Без денег, без дотаций, без средств массовой информации.

Люди, которые руководили Союзом, Юрий Васильевич Бондарев, Валерий Николаевич Ганичев, в последние годы мужественный солдат-воин Николай Иванов, сделали великое дело: как и то, что сделали наши ракетчики, работая на заводах, где не выплачивали зарплату, где в цехах хозяйничали чубайсовские цээрушники, выкрадывая наши секреты. И Союз писателей тоже был огромным брошенным домом. Мы этот дом отстаивали, его конопатили, продолжали возглашать наши великие русские смыслы о вечной русской мечте, о русском мессианстве, о нашем русском горе, которое неизбежно превращается в победу. О том, что Россия и русский народ, наша держава берут на себя всю тьму мира, превращая её в свет. Об этом мы говорили все эти годы. Об этом мы то кричали, то шептали, то молились со слезами на глазах.

Сегодня приближается момент, когда государство очнулось, его покидает безумство, и оно возвращается туда, откуда не имело права убегать – государство возвращается в СМИ, в образование. И государство должно вернуться к нам, в литературу, потому что сегодняшнее государство желает иметь идеологию. Идеология, эти высокие смыслы создаются в литературе, они создаются художниками, которые берут в руки перо или нажимают клавиши компьютера. В литературе рождаются великие учения. Так было всегда: во времена Чернышевского, во времена Толстого и Достоевского, во времена Серебряного века, так было с русскими космистами и с нашими замечательными красными большевистскими писателями. Именно в литературе государство обретает и обретёт свою духовную оболочку, свои смыслы.

Государство становится той средой, которая позволяет художнику выразить русскую идею, русский фактор. Кончилась великая деревенская литература, ушла деревня-мученица. Ушёл Распутин, ушёл Белов. Но осталось взрастающее государство российское, и наш художник видит в государстве смысл существования народа и России в целом. Здесь схватка, здесь новые герои, здесь свет будет сражаться с тьмой, здесь будут написаны наши новые великие произведения.

Поэтому государство приходит в литературу. Государство должно вернуться в Союз писателей России, и первое, что оно должно сделать, может быть, и употребив власть, обязав губернаторов содержать писательские организации. Необходимо внести эту строку в бюджет, как это делается в Белоруссии. Недопустимо, что провинциальные писатели влачат жалкое существование. Губерния должна взять на себя уход не только за реками, цветами, заповедниками, заводами, но и за культурой, литературой, за великой русской словесностью.

Пора учредить нашу русскую большую национальную премию. Хватит отдавать это на откуп олигархам, которые объявляют свои олигархические премии и подбирают под лауреатство своих клевретов, своих воспевателей.

Необходима большая русская государственная премия, которая поощрялась бы нашим Союзом писателей. Необходимо организовать издательство. Сегодня русский писатель не может жить на те ничтожные гонорары, которые получает за книгу. А издатель не может платить большие гонорары, потому что вынужден сводить концы с концами. Необходимо под эгидой Союза писателей создать новое мощное издательство, которое бы дотировалось государством.

В этом большом начинании, в этих переменах Союз писателей должен совершить рывок. Тот бутон, который мы всё это время сберегали, должен раскрыться в новый цветок, в новый выход писателей в государство, в идеологию, в веру, в войну, в политику.

ВОЛОГОДСКОЕ СЛОВО

Феликс КУЗНЕЦОВ

«МЕТА ОБЛАСТИ – ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ»

В 1999 году в Вологде в здании филармонии (бывшего дворянского собрания) состоялся пленум Союза писателей России. Тема его была следующей: «Вологодская литературная школа: народность, традиции, слово в русской культуре». Василий Белов в своей речи выступил против термина «Вологодская литературная школа» и призвал считать её частью великой русской литературы. Феликс Кузнецов не согласился с классиком и произнес слово в защиту этого понятия. Во время его выступления Василий Белов неоднократно дополнял репликами те или иные положения Феликса Кузнецова. Текст воссоздан на основе видеозаписи, любезно предоставленной давним другом вологодских писателей Александром Алексичевым.

РЕЧЬ ФЕЛИКСА КУЗНЕЦОВА НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВОЛОГДЕ

9 декабря 1999 года

Василий Иванович, конечно, вот это название, не знаю, кто придумал, наверное, судя по почерку, Игорь Ляпин: «Вологодская литературная школа» и так далее. Наверное, неудачно. Но куда уйдешь от такого факта. Вот есть, к примеру, такое словосочетание,– Игорь, не обижайся,– «вологодское масло». Как это современная молодежь говорит: лейбл, лайбл, я не знаю. Уже отметка вот такая. То есть, вологодское масло – это то, что известно всему миру. (Реплика Василия Белова: «Вологодская иконопись есть!»). Вологодская иконопись. Вологодский конвой. И вот такая же мета области – вологодские писатели. Я вам скажу, что... существует понятие литературного гнезда? Это можно? (Василий Белов: «Конечно!»). У нас Север: Архангельск, Вологда – литературное гнездо.

Вот я набросал по памяти кое-что тут... Писахов, Шергин, Абрамов, Яшин, Рубцов, Сергей Орлов, Романов Саша, Коротаев, Шириков. Я беру тех пока, кого нет с нами, понимаете... Коничев. (Василий Белов: «Протопоп Аввакум тоже наш!»). Тем более. Сюда же входят даже такие писатели, как Тендряков, он считал себя вологодским писателем (1). Ну, и Пиляр, к примеру. (Василий Белов: «Архиепископа Никона знаешь?»). Да. Ну, вот видишь, никуда и не уйдешь от того факта, что существует эта тайна: почему вот эти места дали такую блистательную плеяду писателей? Так же, как когда-то Орловская земля. А причина в следующем. Есть такой хороший писатель и очень хороший фольклорист Дмитрий Балашов. У него есть книга,– не исторический роман, а фольклорное исследование,– вот такая огромная, толстенная книга. Называется «Вологодская свадьба», как у Яшина рассказ (2). Он несколько месяцев сидел на моей малой родине,– а я родился не в Тотьме, а на Кокшеньге,– это, стало быть, Тарнога, и записывал там, в недавние, сравнительно, годы, лет тридцать после войны, обряды северной, вологодской свадьбы. Они во многом совпадают с тем, что написал Яшин, поскольку его родные места – Никольский район, к северо-востоку, это одно место. Так вот, в наших местах на Кокшеньге, я разговаривал со старыми женщинами в кокошниках. Кокошники еще были в деревне! На моей памяти! И сарафаны домотканые. А уж в довоенной одежде... я и сам ходил в рубахе и в синих штанах. Но это приметы быта. Но ведь эти места были заповедным хранилищем (или резервацией) народного русского языка. Я скажу, что когда читаешь вологодские бухтины и по рассказам представляешь мать Василия Ивановича Белова, ты понимаешь природу беловского языка. Это помазание Божие, которое идет от народа, из недр. И тайна в том, что здесь кладезь русского народного языка. И поэтому чего уж так чураться, что вы вологодские, ничего в этом худого нет. Наоборот, я считаю, что властям надо гордиться, потому что литература Вологодчины и Архангелогородчины – это то, с чем наши северные области входят в народную жизнь, и это огромный вклад. И скажу, что отсюда же ведь и Шолохов. Потому что донская казачья народная речь, диалекты северные и казачьи – самые старые, старинные, в века уходящие диалекты русского языка. И богатство, красочность, яркость южного говора и нашего северного говора,– причем многое сходится, как ни странно,– это та естественная почва, из которой растет великая литература. Я скажу, что сегодня у нас в стране, по моему убеждению, на мой взгляд, может, не все согласятся, есть два писателя, всего два писателя шолоховской силы и шолоховского, если можно так сказать, образа, из его рукава шинели вышедшие. Это Василий Иванович Белов и Валентин Григорьевич Распутин. И что бы мне ни говорили, и как бы, скажем, Петр Проскурин не обижался на меня, почему я о нем ни строчки не написал в жизни, ну, никуда не денешься от того факта, что между этими писателями и прозой Проскурина, к примеру, стоит не преходящая грань. Потому что, в одном случае, есть блистательный текст, есть мелодия, слышат мелодию, а в другом случае – нет, не слышат мелодию. Вот, я лишен музыкального слуха, но у меня с детства была мечта научиться играть на гармошке. Я был плясуном, еще в университете брал призы за русскую пляску, и очень хотел быть гармонистом, потому что гармонист – первый парень в деревне. И я за два года заработал, купил себе гармонь. Медные планки, красавица гармошка, а научиться я никак не мог играть на ней. Я учился как: мне ребята показывали переборы, и я научился переборам с правой стороны и с левой стороны, а свести басы и голоса я никак не мог. Просто беда, трагедия. Вот так же в литературе. Есть люди, которые могут свести басы и голоса, а есть люди, которые берут, а гармонии не получается. Так вот, конечно, самым великим писателем XX века, я-то считаю, что и самым великим русским писателем, мировым писателем XX века был, конечно, Михаил Александрович Шолохов, и «Тихий Дон» его. В очередной раз я его причитал... невозможно читать без слез и без непреходящего и постоянного душевного волнения. И, конечно, великий грех на душу взяли на себя, святотатство совершили те, кто при жизни Михаила Александровича отнял у него «Тихий Дон», объявил его на весь мир преступником, плагиатором, требовал суда и отъема у него Нобелевской премии.

По найденной рукописи (3) видишь, какая это была огромная работа, и ты видишь расхождения, и вся эта работа шла в направлении все большей точности, емкости, лаконизма, выразительности, я бы сказал, как медные скрижали на стене. Вот он к этому стремился. При всем том, что это такое природное богатство, такая корневая народная южнорусская речь, такая сила идет от этого... И мы смогли, наконец, слава Богу, достать деньги (4), выкупить эту рукопись и начать работу по ее изучению с тем, чтобы готовить, наконец, академическое собрание сочинений Шолохова.

Публикация и примечания Виктора БАРАКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Владимир Федорович Тендряков (1923–1984) по месту рождения (деревня Макаровская) был вологжанином, но с вологодскими писателями и с родной землей связь не поддерживал, жил в Москве, свою малую родину посетил всего один раз.

2. Книга Дмитрия Балашова (1927–2000) называется «Русская свадьба» (Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. 390 с., ил.), а «Вологодскую свадьбу» её автор Александр Яшин называл то очерком, то повестью.

3. Потерянная рукопись «Тихого Дона» М. А. Шолохова была найдена в конце 1990-х годов.

4. Рукопись «Тихого Дона» была выкуплена у родственников великого писателя Ф. Ф. Кузнецовым, тогда директором ИМЛИ, на деньги тогдашнего Председателя правительства России В. В. Путина. В противном случае рукопись могла оказаться за границей.

Положение о проведении второй региональной литературной премии «В начале было слово»

1. Общие положения

1.1. Настоящее положение регламентирует порядок проведения второй региональной литературной премии «В начале было слово» (далее – премия).

1.2. Учредителем премии является депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Шулепов Евгений Борисович (далее – депутат ГД ФС РФ Шулепов Е. Б.).

1.3. Организатором премии является Вологодское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (далее – Союз писателей России).

1.4. Премия проводится на личном сайте депутата ГД ФС РФ Шулепова Е. Б. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: http://evgeniyshulepov.ru/ (далее – сайт).

2. Цели и задачи премии

2.1. Премия проводится с целью поддержки начинающих поэтов и писателей, живущих на территории Вологодской области.

2.2. Задачей премии является поиск талантливых авторов и популяризация их творчества.

3. Порядок и сроки проведения премии

3.1. Руководство премией осуществляет оргкомитет премии в следующем составе:

Председатель оргкомитета Шулепов Евгений Борисович – депутат ГД ФС РФ;

Секретарь оргкомитета Шехирева Наталья Николаевна – помощник депутата ГД ФС РФ;

Карачёв Михаил Иванович – Председатель правления Вологодского регионального отделения «Союза писателей России»;

Цыганов Александр Александрович – член Союза писателей России;

Плотников Виктор Александрович – член Союза писателей России.

3.2. Участниками премии могут быть граждане, проживающие на территории Вологодской области, начинающие поэты и писатели. К участникам премии не предъявляется требований к профессионализму, возрасту, полу, роду занятий и увлечений.

3.3. Премия проводится для произведений, написанных на русском языке в четырех номинациях: поэзия, малая проза, большая проза, детская литература.

3.4. На соискание премии от одного автора в каждой номинации может быть представлено не менее десяти стихотворений в номинации «Поэзия», не менее двух рассказов в номинации «Малая проза», один или более романов или повестей в номинации «Большая проза», не менее десяти стихотворений или двух рассказов в номинации «Детская литература».

3.5. Рукописи направляются в электронном виде на сайт депутата ГД ФС РФ Шулепова Е. Б. в раздел, посвященный премии, и одновременно на бумажном носителе по адресу: 160000, город Вологда, ул. Герцена, 36, Вологодское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

3.6. Требования к оформлению рукописей: файл в формате «MicrosoftWord» с расширением doc. или rtf. Шрифт — Times New Roman. Размер шрифта — 14. Параметры страницы (поля): верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 3,5 см, правое — 1,5 см. Междустрочный интервал – одинарный.

На первой странице рукописи должны быть указаны:

– фамилия, имя, отчество автора (либо псевдоним);

– название произведения, год написания;

– контактные данные автора (полный адрес проживания, номер телефона, при наличии – адрес электронной почты).

3.7. Премия проводится с 3 марта по 25 ноября 2018 года по следующим этапам:

с 3 марта по 31 октября включительно – прием материалов на соискание премии;

с 1 ноября по 24 ноября – подведение итогов премии;

25 ноября – региональный литературный семинар, объявление и награждение лауреатов премии.

3.8. Размещение материалов на сайте http://evgeniyshulepov.ru/ подтверждает участие гражданина в премии, является гарантией авторства, которую дает соискатель премии, и его согласием на последующую публикацию присланных материалов в любых источниках.

3.9. Материалы, представленные на соискание премии, не рецензируются и не возвращаются. Оргкомитет премии в переписку и переговоры с авторами не вступает.

4. Материалы, представленные на соискание премии, могут быть отклонены от участия в премии в случаях, если рукописи не соответствуют требованиям, изложенным в пункте 3.6. настоящего Положения, а также в случаях, если они содержат элементы эротики, насилия, расовой или религиозной непримиримости, являются результатом труда иных лиц.

Соискатель премии несет самостоятельную ответственность в случае нарушения действующего законодательства РФ об авторском праве.

4. Подведение итогов премии

4.1. Отбор произведений, присланных на соискание премии, осуществляет жюри премии, назначаемое оргкомитетом. Состав жюри формируется в ходе реализации первого этапа премии в соответствии с п. 3.7. настоящего Положения.

4.2. Для оценки работ, присланных на соискание премии, выбраны следующие критерии:

– художественный уровень произведения;

– отражение в произведении общечеловеческих морально-нравственных ценностей, гуманистических идей;

– общее эмоциональное восприятие.

4.3. Порядок голосования определяется оргкомитетом самостоятельно.

4.4. Решение, принятое оргкомитетом, является окончательным и не подлежит пересмотру.

4.5. Количество победителей премии определяется оргкомитетом в ходе подведения итогов премии.

4.6. Опубликование результатов премии состоится на сайте депутата ГД ФС РФ Шулепова Е. Б. в соответствии с установленными пунктом 3.7. настоящего Положения сроками.

4.7. Награждение победителей премии проводится в рамках регионального литературного семинара в соответствии с обозначенными пунктом 3.7. настоящего Положения сроками.

Семинар проводится по отдельному плану и представляет собой площадку для обучения начинающих авторов. В рамках семинара проводится профессиональное обсуждение произведений участников премии.

4.8. Лауреаты премии получают:

– публикацию произведений в литературном сборнике премии;

– статуэтку лауреата премии;

– звание и диплом лауреата премии от имени депутата ГД ФС РФ Шулепова Е. Б.

Все авторы, приславшие свои произведения на соискание премии, получают дипломы участников премии от имени депутата ГД ФС РФ Шулепова Е. Б.

ПРОЗА. XXI ВЕК

Николай ТОЛСТИКОВ

МАЭСТРО

Посвящается
Зинаиде Павловне Дементьевой

НИНА Ивановна, спустя много-много лет, все-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучек простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далекой юности...

Тогда все ее еще звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда ее отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмосковье перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе – бывшем купеческом особняке в центре городка, домой не мчалась, как угорелая – не мелочь пузатая уже, а вышагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрав носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свернутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до бараков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Еще бы – в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными всклоченными космами волос на голове. Незнакомец, выглядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, все-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала – не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось – тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

– Яшки, что ли, боишься? – спросил один из провожатых кавалеров.– Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду, Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал ее, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим нежданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие черные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка, хоть бы что, скаля зубы, упрямо пер вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик-сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нем и остался. Старушонки-прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве – пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила – на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платьице, стесняясь накинутого на плечи старенького маминого пальто, она старательно обходила лужи, стараясь не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, «взрослый» бал. К «дому культуры»», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых все равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей – кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И, наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой вознял над клавиатурой руки с длинными пальцами и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упраздненному властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она все время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всем на свете, без устали играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятным было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетерша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги ее как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка – мало что накажут, но и еще за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетерша из «дома культуры».

– Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! – воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

– А кто она была?

– Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в еще не облетевших кустах у ограды.

– Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась – и ее тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскребышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже – в тюрьму...– старушка заговорила еще тише.– И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибег домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить – самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обрученной. И ты – вылитая она!

– Где сейчас он... Яшка? – спросила растерянная и потрясенная старухиным рассказом Нинка.

– Лежит, вон, в сторожке едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжко. Вот ведь судьба – памятью от прежней жизни один рояль у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала ее:

– Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он еще хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

– Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудреный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади.

Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю.

Яшка застыл на дорожной обочине, как вкопанный, и когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь, пока не погаснет огонек поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой ее юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм – несть им числа.

ФОТОГАЛЕРЕЯ «ВЛ»

Евгений Шулепов и вологодские писатели

Сборник премии «В начале было слово»

Е. Шулепов, О. Фокина, И. Чурбанова

Евгений Шулепов и Михаил Карачёв

О. Фокина

В. Бараков

Начинающие поэты и писатели, участники премии «В начале было слово» на премьере книги

Е. Аникина

М. Карачёв

Премьера книги «В начале было слово»

Е. Шулепов. Интервью телеканалу «Русский Север»

Выставка картин юных художников «В начале было слово»

Евгений Шулепов и учащиеся вологодской художественной школы имени Корбакова

Юрий МАКСИН

МЫ ВСЕ ВЕТРОМ ЖИЗНИ ГОНИМЫ...

Новые стихи

* * *

В маленьком-маленьком гнёздышке
крохотный птенчик живёт.
В этом же маленьком гнёздышке
птаха поёт и поёт.

Ветки от ветра качаются,
птенчику страшно порой.
Песенка матери мается
над золотой головой.

Маленький домик – над бездною.
Что его держит над ней?
Солнышко – силой небесною,
дерево – силой корней.

Волчья, а может быть, львиная
скалится пропасти пасть.
Жизнь – не такая уж длинная,
с песенкой может пропасть.

Маленький домик – пустеющий.
Время приходит, и вот –
птенчик, над бездною реющий,
песню поёт и поёт.

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Я старые письма
зачем-то читаю.
Над дружбой ушедшей
смеюсь и вздыхаю.

Смеюсь, понимая –
наивно мы жили.
Вздыхаю – как преданно,
нежно дружили.

И хочется вызнать,
а что – непонятно,
ведь жизнь никогда
не пойдёт на попятный.

И знания эти,
как спетая песня.
И то, что сгорело,
увы, не воскреснет.

Я старые письма
всё дальше читаю.
Всё меньше смеюсь
и всё больше вздыхаю.

И всё неизбежнее
горечь утраты,
но сердце рванулось
за чем-то, куда-то.

Туда, где за строками
светлые даты,
забытые раны,
дороги, закаты.

Где каждый по-своему
выбрал дорогу.
По-своему – с Богом!
По-своему – к Богу!

По-разному всех
настигает расплата.
Нет писем любимой!
– Ты сжёг их когда-то...

* * *

Мы все ветром жизни гонимы
и катимся в поисках нег.
А с неба следят серафимы
наш путь, дорогой человек.

Крылами сближают упруго
в ночи заплутавших людей.
Упруго, в объятья друг друга –
найдите друг друга скорей.

А если всё мимо и мимо,
любимых не видят глаза,
печально молчат серафимы.
И в небе сверкает гроза...

* * *

С разволнованными лицами
не скрипите половицами.

Половицами скрипение
не родит стихотворение.

Разве что, поэт соврёт,
что одна из них поёт.

Но поёт она в тиши,
так что сядь и не шурши.

Подоприте руки лицами
и любуйтесь половицами.

И тогда одна из них
вспомнит, что родила стих.

Подпоют полы и двери,
оживёт старинный терем.

И шагнёт навстречу лесу
просто так, без интересу.

Вместе с ним шагнёт душа,
не волнуясь, не спеша,

Хорошо среди природы.
Эх, какие наши годы!

* * *

Гурьбою высыпали грузди.
А говорили: нет грибов.
Теперь природа не отпустит
почти до самых холодов.

Готовь еловую кадушку
под золотой груздёвый клад.
Послушай местную старушку,
как грузди белые солят.

Её рецепты и секреты
перетекли из уст в уста.
Из года в год, из лета в лето...
Так возникает красота.

* * *

Снег первый и снег последний.
Меж ними была зима.
Слушали ветра бредни
снежные закрома:

«Много на поле снега –
вырастет в поле хлеб».
Только давно здесь не был
поля оратай Глеб.

Поля оратай Павел,
поля оратай Пётр,
кто вас куда направил?
Эй, выходи на смотр!

Снегом полны лужайки,
будет и ягод всласть.
Где вы, лесов хозяйки,
кто вас сумел украсть?

Временем стёрты межи,
борозды. Тихий вид.
Под одеялом снежным
дикое поле спит.

Знаю, с последним снегом
много натает слёз,
павших на землю с неба
звёздочками в мороз.

* * *

Сколько раз я это в детстве слышал:
жизнь прожить – не поле перейти!
И однажды через поле вышел
на другие тропки и пути.

По шоссе, по рельсам, «вниз по Волге»...
И с небес, бывало, тоже вниз.
Путь к себе по жизни выпал долгий.
Нет, не только к звёздам путь тернист.

Я иду пешком, иду, как прежде,
«сквозь туман...», сквозь давние года.
Сердце бьётся в призрачной надежде
навсегда вернуться. Навсегда.

Жизнь дожил, иль не дожил чего-то,
не допел, доделать восхотел?
Столько было сердцем отогрето
бесполезных и ненужных дел!..

Приближаюсь. Не видать деревни.
Лес дремучий застилает свет.
Нет тропинки вековечной, древней.
Нету поля. Да и жизни нет...

* * *

Усталость моя равносильна усталости птицы,
летевшей без отдыха долгие ночи и дни.
Когда удаётся на землю с небес опуститься,
то жизнь поначалу удару о землю сродни.

Тяжёлыми стали упругие лёгкие крылья,
как будто не кровью, а ртутью наполнена плоть.
И проще сквозь землю тяжёлым гвоздём провалиться,
значительно проще, чем небо собой проколоть.

Но манит и манит воздушная бездна, и снится,
как лётчику снится не прерванный, вечный полёт,
когда исчезают пространства земные границы,
и что-то беззвучно, бессловно зовёт и зовёт.

Усталость моя равносильна усталости ночи,
истерзанной шумом и светом больших городов.
Душа надоевшего шума и света – не хочет.
Ей хочется сна и спокойных, целительных снов.

Усталость моя не осилит судьбы притяженье.
Усталость проходит, судьбы притяжение – нет.
И каждая строчка грядущего стихотворенья,
как чьи-то глаза из прошедших, из прожитых лет.

* * *

Посадил я восадули.
Восадули не взошли.
То ли с зёрнами надули,
то ли зёрна – унесли.

Восадулей больше нету.
Были – сплыли. Вот беда!
Много солнечного света,
и в колодце – синь-вода.

Только нету восадулей.
Было то – не знаю что.
Осень. Бабочки заснули,
да и старый конь – в пальто.

Дни летят – за пулей пуля,
жду чего-то, хоть убей.
Мне не надо чёрта в стуле.
Восадули мне – любей.

* * *

По букве, по слову, по строчке,
моя в том вина,
на нежном судьбы лепесточке
кровлю письмена.

Потом лепесток обрываю,
пускаю в полёт.
И он навсегда улетает,
не скоро падёт.

И всё же опустится, зная
и место, и срок.
Как будто не я посылаю
в полёт лепесток.

ТОСТ

Я пью за Родину, которой
остатки задержались в нас.
Не за ракеты и моторы,
за трудовой советский класс.

Не за рабов на производстве,
не за рабов в тиши контор
и не за тех, кто на уродстве
куёт богатство с давних пор.

Я пью за годы золотые
и за победную весну,
Союза символы святые,
один народ, одну страну.

И всё ж себя не пересилю,
любовью к ней душа полна.
Тост – за красавицу-Россию,
средь равных первая она.

Себя Россия не жалела
для счастья братьев и сестёр.
И в девяностых уцелела,
но не об этом разговор.

Я пью за то, чтобы осталась
в потомках наших красота.
Ведь за неё душа сражалась,
ведь без неё – и жизнь пуста.

За жизнь красивую, простую,
за счастье мирное людей,
за Русь по-прежнему святую,
за наших истинных друзей!

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Николай УСТЮЖАНИН

РАССКАЗ ОТЦА

РОДИЛСЯ я в феврале 1941-го, за четыре месяца до войны. Отец, Василий Егорович, в семье был седьмым ребенком, много работал, был женат, но рано овдовел – жена Анна умерла при родах. Мама, Марфа Егоровна, вышла за него. От Анны осталась родная дочь Валентина и неродной сын Аркадий. В 1932-м году родился Геннадий, в 1937-м – Стасик, а я, как уже говорил, в 1941-м. Был еще Ваня, но умер. Деда и бабушку я не видел и ничего о них не знаю.

Отец (мы звали его – татька) был красавец, плясун, волосы – смоль ядреная, боевой, спуску никому не давал.

Мамка – скромная, незаметная (училась писать в школе для взрослых), а отец и вовсе нигде не учился.

Перед войной он работал в лесу, когда беда эта случилась, хотел идти на фронт, но им выдали «бронь» и дали задание тесать деревянные приклады для винтовок и автоматов.

Аркадия призвали сразу. Пришла бумага, что пропал без вести, где-то под Ржевом.

Отец рвался воевать, но его не отпускали, и только в 1943-м дали добро.

Был на Западном фронте, вечером возвращался из леса, не пригнулся, и его снайпер ударил выше колена разрывной пулей. В госпитале ногу ампутировали.

Я помню, как его привезли на телеге. Встречала вся деревня. Плакали, радовались за Марфу – хоть без ноги, но живой. Деревня осталась без мужиков, к отцу шли за помощью и советом.

Он научился чинить обувь (сапоги, валенки), потом сам шил сапоги.

Когда приходила повестка из военкомата (хоть и безногий, но был на учете), то ехал на комиссию. Привозил протез. Встанет перед зеркалом, покрутится, потопает, отстегивает и... «Лучше из кожи сошью сапог!» – держать протез было нечем!..

Отец был строгий, но добрый. Меня узнавали в округе и спрашивали: «Василья сын?»

Жили мы бедно, вместо лампы жгли лучину, да и керосин бывал в продаже редко. Зимой спали дольше – ночи длинные, а летом все работали, чтобы накопить трудодни. Хлеба в магазине давали двести граммов на человека, и хлеб с припеком, тяжелый. Это был паек. Да еще продавец обвешивал. Один раз, помню, обвесил, так отец схватил за грудки продавца (мужик был) и – костылем по хребту! Сильно переживал, напился, пришлось брать лошадь и везти домой.

По этому поводу была частушка негласная:

Сталин пишет телеграмму:
Надо сдать по килограмму!
Ну, как мне вы... килограмм,
Если ем по двести грамм?

Отец без работы не сидел. В колхозе охранял клеверное поле, чтобы не воровали. Ходил в лес, ставил петли на зайца, капканы на лису. И ведь это все на одной ноге! Делал лыжи для школы и для нас. Помню, как искали с ним нужную березу или осину. Кололи, щепали, парили, гнули на специальном бало, сушили в печи. Крепления для валенок были из ремней. Тяжело работать на одной ноге, но он был упрямый, настойчивый.

Меня он никогда не бил... Помню, перекладывали крышу тесовую. Я отвлекся (приятели звали куда-то), спустился и пошел, так он от злости размахнулся и бросил в меня костыль, и он попал точно вдоль спины. Мне было смешно, а ему не до смеха – надо делать дело и спускаться с крыши.

С братьями мы жили как все. Старший, Геннадий, был уже взрослый, а со Стасиком мы часто скандалили. Иногда нас наказывали ремнем, а если за столом – то ложкой по лбу. Я заплачу, и под стол, а отец говорит: «Один уже наелся!»

Чай мы пили из самовара. Он еще кипит, а отец наливает чай в стакан и пьет.

Мама за отцом ухаживала, любила. Я, как младший, с ней проводил много времени. Она стряпала, а я облизывал квашонки, корчаги, все вкусное доставалось мне.

Стасика призвали в морфлот. Служил в Североморске. Раз приехал в отпуск, привез с собой ракеты, из ракетницы палил в небо у колхозного клуба. Девки – веером, ребятня тоже. Вернулся, женился, дети. Жена молодая стала гулять с другими, запил. На сплаве леса выпили какую-то дрянь, и он умер.

Геннадия помню мало. Однажды из Кобыльской школы приходит бумага: «Где ваш сын?» Оказывается, Генка доходил до конца деревни и сидел у деда Юшки, играл с ним в карты, а потом «возвращался» из школы. На голодный желудок пройти семь километров... это оправдывает.

Семь классов, колхоз, армия... Геннадий прошел все. Львов – в увольнение ходить только группами! Упал сверху кирпич – одного русского нет... Грузия, Пицунда, войска правительственной связи. Сочи, дача Сталина. Стерлитамак – авария на машине, госпиталь. Чуть не женился на дочери начальника госпиталя... А потом – домой! Ходил по гостям,– у нас так принято,– решил жениться на Кате, а она дальняя родственница. Но женился, свадьба была – красота! Народ мелочь бросает, прячет, бьют горшки, заставляют невесту подметать. Но это, конечно, на второй день. Первый – милые шли в горницу...

Детство было тяжелое, но помнится хорошее. В пять-шесть лет я уже зарабатывал трудодни для семьи – открывал и закрывал ворота, чтобы скот не выходил в поле. Особенно тяжкие годы были после войны. Голод! Ели все, что можно было жевать: жмых для животных, траву, пестики, клевер. Грибы и ягоды – это роскошь.

Мама была телятницей, так я караулил телят, хотя ноги кое-как носили. Живот от травы был большой, болел все время.

Все, что дома имели, облагалось налогом, а проще – натурой. Куры есть – сдай яйца; поросенок – шкуру, мясо; овцы – шерсть; корова своя – сдай молоко. Несу на заготпункт и плачу – есть хочется. Мама рыдала, видя все это, а требовали!

Летом ночи короткие, только уснул – уже будит мама: «Вставай, дитятко, надо лошадь ловить – и на работу». А лошадь как будто знает – прячется, замрет в лесу, рядом ходишь, а не видишь. Ходишь босиком, ногам холодно – роса.

В 1948 году пошел в первый класс Слободской начальной школы. Учился хорошо, даже отлично. Нравилось. Первая учительница – Пахомовская Павла Дмитриевна, любила меня. Десяток лет спустя показывала мои тетради, гордилась, хотя писать приходилось даже на газетах между строк.

Школа маленькая, малокомплектная. Два учителя, техничка. Тут и учились, тут и обедали, тут и хороводы водили, тут и физкультурой занимались... Эти годы не забыть!

В пятый класс я пошел в семилетку в Кобыльск. Снимали жилье на зимнее время. Старался ходить домой, на лыжах. Лыж не жалел, часто их ломал – прыгали с сугробов, даже с крыши!

Семь классов окончил уже со скромными оценками. Думал, все равно оставаться в колхозе, а это без перспективы.

По весне по нашей реке Юг приходили пароходы, и мы мечтали стать речниками. Пропускали уроки, ходили на пристань на дровяной склад, где они «заправлялись» дровами. Получали нагоняи от классного руководителя и родителей за прогулы.

В 1953-м, в марте, пятого числа, просыпаюсь – напротив на колхозном правлении висит флаг, перечеркнутый черной лентой. Пришли в школу, а там линейка траурная – умер Сталин! Речи со слезами. Мы тоже плакали: «Как же будем жить без него?»

Потом арест: «Берия вышел из доверия, не хотел жить в Кремле, так сиди в тюрьме». Наступила чехарда: то один у власти (Маленков), потом раскрыли заговор (Молотов, Маленков и примкнувший к ним Шепилов). Был у власти и Булганин, потом Хрущев. Он всех колхозников разорил налогами, так что пришлось отказаться от коровы и заводить козу, чтобы было молоко.

По окончании школы решили родители отпустить меня в Великий Устюг – поступать в речное училище. Отвез меня отец на лошади до аэродрома в Кичменгский Городок. За три рубля на Ан-2 долетел до Устюга и поселился в общежитии. Готовился капитально. Залезу на чердак и готовлюсь.

Из нашей школы приехали четыре парня. После военной комиссии и экзаменов поступил я один. Вернулся домой. Мы с Толей Кокшаровым сели на попутную, проехали километров семьдесят из ста, машина засела, мы шоферу сначала помогали, потом не выдержали и пошли пешком. Питались, чем Бог послал, в основном ягодами.

Дома были уверены, что я не поступил. Так и встретили. Я промолчал. Утром приходит бригадир из колхоза и говорит: «Раз не поступил, тогда на сенокос». Дали мне кобылу, которая долго не запрягалась. Она на мосту испугалась опустившихся граблей и рванула. Я понял, что еще чуть-чуть, и она меня угробит – развернулся на граблях и съехал по ним на землю. Кобыла одурела от грохота, доскакала до Рыбино и остановилась у ворот, которые закрыл видевший все это безобразие бригадир. Все! Я сказал, что поступил. Все были рады за меня.

К первому сентября прибыл в училище. Стали нас одевать в форму. Старшина спросил: «Какой размер ноги?» Я не знал – обувь шил отец. «Ну, а год рождения?» «1941-й». «Тогда сорок первый размер!»

В строю я стоял последним, так называемый шкентиль (сто тридцать семь с половиной сантиметров!). Выдали шинель, я при ходьбе её полы приступал. Резать нельзя. Когда упал на лестнице, ребята уговорили обрезать. Обрезал, а за год вырос на тринадцать сантиметров! Девчата говорили, что коротышка идет. Старшина не реагировал, шинель не менял...

Учился нормально. В 1957 году на зимних каникулах нас поощрили за самодеятельность (я пел в хоре) отдыхом в пансионате. Но мне почему-то страшно захотелось увидеть отца и мать. Я не поехал в дом отдыха, а с другом Рафаилом на лыжах пошел домой. Рафаил подморозил большой палец ноги, я уберегся. Пришел домой, а там отец меня ждет – он был при смерти! Похоронили его одиннадцатого февраля...

Вернулся в Устюг, мне 16 лет, получил фото на паспорт – не узнал себя (так перенес смерть отца). Дальше – учеба, курсантская жизнь. Увольнения, зимой катки, танцы в училище.

В 1957 году на принятие присяги нас направили в Североморск. Жили на барже на берегу залива. Один раз попали в милицию. Мы шли в речной форме, а у них понятия нет, что есть такие курсанты. Вот они нас и загребли и часа два держали, пока не выяснили, кто мы.

Каждую навигацию были на практике, иногда занимали свободные должности матроса или рулевого. Помню Архангельск, порт, пароход «Производственник». Я – матрос, рядом кочегар, бывший зек, весь в татуировках. Говорит: «Ты, сынок, иди, спи, а я заварю чифир и спать не буду сутки».

С капитаном пошли в диспетчерскую, проходили мимо парохода, а там «концерт»! На носу сидит парень и рашпилем якорь точит. Ему сказали: «Глянь, якорь-то совсем тупой, надо наточить». Капитан возмутился, а матросы ржут: «Учим, мол, жизни».

Следующую практику проходили на пароходе «Александр Невский». Пошли с плотом в Архангельск, а нас на лодке послали за продуктами в какой-то поселок на берегу. Кто-то нашел там огон (обрубленную петлю от металлического троса). Вернулись, садимся в лодку, и Толик, шутник, берет его и надевает на голову рулевому Николаю. Раз – и огон на плечах! Всем смешно. Доехали до парохода, все ржут, и он тоже. Но когда стали снимать – беда: уши мешают! И в баню водили, мылили, что только не делали – не снимается! Сели обедать – никто не ест, все давятся от смеха, а Николай чуть не плачет. Стали пилить ножовочным полотном этот трос, а он сорок миллиметров! Кое-как освободили.

Потом этому бедному Николаю пришла повестка из райвоенкомата. Повез его на большой моторной лодке на пристань Черевково, на пассажирский пароход до Котласа. Стал возвращаться – навалился туман. Слышу гудки: «Иду в тумане!» Повернул на сигнал. Вдруг услышал сигнал сзади. Разворачиваюсь. Слышу опять сзади. Заблудился в тумане. И вдруг – нос парохода! Я ухватился за кронштейны и держусь, мотор выключил. Колеса парохода тянут под себя, я кричу – бесполезно, никто не слышит от шума. Ухватился за привальный брус, повис на нем и отпустил лодку под пароходные колеса. Они стали стучать по лодке, качая судно. Капитан выскочил на правый мостик весь белый, а я кричу: «Я жив!» Прибежали, вытащили. Лодку потом списали под каким-то предлогом. Случай этот остался между нами.

В 1959 году перед выпуском нас распределили по специальностям на стажировку. Я оказался в Севастополе. Мы служили курсантами для присвоения офицерских званий. В феврале был выпуск. Приехал министр речного флота Зосима Иванович Шашков – выпускник нашего училища, вручил военные билеты.

Друзья разъехались кто куда: на Вятку, на Онежское озеро, на Каму... Я, как комсорг взвода, не распределялся, мне дали право выбора. Я остался в Великом Устюге штурманом.

Первая самостоятельная навигация прошла на пароходе «Куйбышев», был вторым штурманом. Работали в основном на транзите (дальние рейсы). По весне водили баржи с сухогрузом и наливные баржи в боковые реки: Юг, Луза, Пинега. Навигация в них – одна-две недели. Делалось все быстро, чтобы не остаться в обмелевшей реке.

Водил баржи и по родной реке Юг, останавливался недалеко от дома, на ночь. Стучу. Мама: «Кто там, крещёной?» – «Я, мама».– «Ой, как же это?»

На обратном пути брали состав порожних барж в Енангске. Все наши слободские мужики побывали у меня на пароходе. Радовались, гордились: «Это наш Вася!»

Вторую навигацию, 1961-го года (я уже был женат) точно не забуду, и вот почему... В ночь с 15-го на 16-е мая мы шли в Великий Устюг, вели методом толкания баржу с мазутом. По пути получили приказ вернуться в Котлас. Решили идти другим маршрутом. Капитан развернул пароход, дошли до бонов, направляющих молевой лес в пролет моста, а бон не отходил, и капитан решил подвернуть под него, чтобы зайти в судоходный пролет. Течение нас сразу бросило на железнодорожный мост. Зазвучал сигнал тревоги, баржу сразу оторвало от удара, сами стали крениться на правый борт. Было около часа ночи. Я только что приехал из Устюга с документами на всю команду – делал временную прописку и отметки для военкомата. Я спал, когда со стены на меня упало зеркало. Сорвался – и наверх. Капитан сказал: «Спасай документы и вещи!» Мы будили спящих и гнали их наверх. Пароход правым бортом уходил в воду. Часть команды отправили на лодке. Сами по устою моста (там были скобы) поднялись на мост, где нас принимали солдаты железнодорожной охраны. Было очень холодно, многие выскочили из кают почти голыми, солдаты помогали согреться. Всех пострадавших отправили в Котласский речной порт, сняли показания, выдали аванс и послали в Устюг в управление. Пока мы ехали, каких только небылиц про нашу аварию не наговорили! Хорошо, что жена ничего не знала.

Команду распределили по другим судам. Я пошел на пароход «Козьма Минин» третьим штурманом. А потом родился ты. Дальше сам всё знаешь...

ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ

Александр ГРЯЗЕВ

ВОЛОГОДСКИЕ ЛЕРМОНТОВЫ И НЕ ТОЛЬКО...

ВСЁ началось много лет назад с читательского письма в отдел культуры областной газеты «Красный Север», которым заведовал тогда писатель Василий Дмитриевич Елесин. Письмо пришло от липецкого краеведа Н. В. Маркова, а по рождению вологжанина, который занимался историей Арсеньевых – дворянского рода со стороны матери великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

По его словам, в Кадниковском уезде Вологодской губернии Арсеньевы имели несколько деревень и «двадцать девять душ» крепостных крестьян. В документе же, на который ссылался Н. Марков, не указывались названия деревень и он просил уточнить их в наших архивах или у вологодских краеведов.

Василий Дмитриевич познакомил меня с письмом, и мы решили обратиться к известному костромскому краеведу и знатоку рода Лермонтовых Александру Александровичу Григорову, благо я его немного знал.

Ответ из Костромы пришёл быстро.

«У меня нет решительно ничего, относящегося до Арсеньевых,– писал А. А. Григоров,– ибо я изучал только родственников М. Ю. Лермонтова по линии отца, а не матери, урождённой Арсеньевой. Но... и у Лермонтовых в Кадниковском уезде было имение. Это имение находилось в Кумзерской волости и состояло из сельца Дуровское, где был дом помещика, и деревень Павшиха, Трущёвская, Лавриха, Кондратиха, Лысковская, пустошей Тарасихи и Спарихи. Всего в имении было 2487 десятин земли, в основном под лесом и по 9-й ревизии там проживало 115 душ крепостных мужского пола. Это имение было куплено Павлой Матвеевной, урождённой Лермонтовой... в 1780 году у девицы княжны Екатерины Петровны Козловской».

После Павлы Матвеевны, как сообщалось в письме, имением владели её внуки Пётр и Александр Купреяновы, а потом оно было дано в приданое дочери последнего Клеопатре Александровне Засецкой.

Таким образом, у нас появилось первое документальное свидетельство о пребывании представителей рода Лермонтовых на Вологодчине... Но на этом, к сожалению, тогда наши поиски и закончились.

И лишь через несколько лет, прочитав книгу вологодского краеведа Александра Мухина «Трижды рождённое» – об истории старинного села Кувшиново под Вологдой, я вновь обратился к этой теме.

А всё дело в том, что, изучая архивные документы, А. Мухин обнаружил, что «сельцом» Кувшиновым в 1780-х годах владел Пармен Матвеевич Лермонтов вместе со своим зятем Петром Тимофеевичем Мельгуновым.

В одном из архивных дел А. Мухин нашёл ещё, что «родовым имением Лермонтовых было сельцо Дор Высоковской волости, где на средства П. М. Лермонтова была построена Дмитриевская Исаевская церковь.»

«Несомненно,– замечает А. Мухин,– что потомками одного рода являются как первый кувшиновский помещик, так и великий русский писатель М. Ю. Лермонтов».

Кто же они такие – вологодские Лермонтовы?

Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось вновь обратиться к архивным и печатным историческим источникам и к изысканиям по истории дворянских родов А. А. Григорова... Но сначала немного о самом костромском краеведе.

Александр Александрович Григоров происходил из мелкопоместных дворян. Однако, род его был древний, но к началу двадцатого века обедневший и, по словам самого краеведа, в семье Григоровых «утешали свою гордость родством с русскими царями (через мать Петра Первого)...»

А дело в том, что один из предков Александра Александровича – Иван Афанасьевич Соймонов, был женат на Анастасии Кирилловне Нарышкиной – родной сестре царицы Натальи Кирилловны – матери Петра Великого. Так что родившийся от этого брака в 1680 году Фёдор Иванович Соймонов приходился двоюродным братом российскому императору.

Некоторые исторические источники называют Фёдора Соймонова любимцем Петра. Недаром царь посылал его учиться морскому делу в Голландию, после чего Фёдор служил на личном корабле императора «Ингерманландия», участвовал с Петром в Персидском походе, командовал Каспийским Флотом и дослужился при брате-царе до адмиральского звания.

Однако при императрице Анне Иоанновне временщиком Бироном был арестован за то, что не написал донос на Артемия Воротынского и сослан за это в далёкий Охотск. Только дочь Петра Первого Елизавета вернула Фёдора Соймонова из ссылки, и он ещё несколько лет служил губернатором Сибири.

Внучка адмирала Анастасия Афанасьевна вышла замуж за офицера Николая Васильевича Григорова, и они стали жить в своём костромском имении.

Так что нет ничего удивительного в том, что Александр Александрович стал заниматься историей своего рода и других дворянских фамилий костромской земли, хотя судьба жестоко обошлась с ним: в тридцатые годы прошлого столетия А. А. Григоров был репрессирован и долгое время провёл в тюрьмах, лагерях и ссылках.

Вернувшись в пятидесятых годах в Кострому, он занялся своим любимым делом – краеведением, которому отдал всю свою оставшуюся жизнь, работая в архивах и за рабочим столом, изучая историю дворянских родов. Десятки очерков-исследований вышли из-под его пера и были опубликованы в местной печати. Все они потом составили солидную книгу «История костромского дворянства». Только вот, к сожалению, сам Александр Александрович до своей книги не дожил.

В ней собрано более семидесяти историй дворянских фамилий, имеющих отношение к Костромскому краю: Лермонтовы, Пушкины, Невельские, Бартеневы, Купреяновы, Катенины, Свиньины, Бошняки, Рылеевы...

Особое место в труде А. Григорова занимает глава «Лермонтовы и Костромской край».

Большинство из нас знает о Лермонтовых через судьбу великого русского поэта. Но так уж случилось в его жизни, что ещё в детстве Михаил Лермонтов был отлучён родственниками с материнской стороны от отца и всей его родни. Да к тому же родовым имением Лермонтовых называлось сельцо Кропотово, которое находилось недалеко от имения Арсеньевых Васильевки, где впервые встретились Юрий Петрович Лермонтов и Мария Михайловна Арсеньева – будущие родители великого поэта. Так появилось в лермонтоведении давнее и стойкое утверждение, что Лермонтовы были тульскими дворянами.

На самом же деле всё было далеко не так. И мы начнём с первого из Лермонтовых, появившегося в русских пределах в Смутное для нашего Отечества время начала семнадцатого века. Это был Георг (по-русски Юрко, Юшко) Лермонт и служил он наёмным солдатом шотландской («шкотской») роты в польском войске. Летом 1613 года рота попала в плен к русским стрельцам и в полном составе перешла на службу в московское войско.

«Георг Лермонт,– пишет А. Григоров,– участвовал в продолжавшейся войне с Польшей, сражался под Можайском и под Москвой, отличился в бою у Арбатских ворот. В 1621 году за службу Лермонт был пожалован царём Михаилом Фёдоровичем поместьем Кузнецово, находившемся в Чухломской осаде Галичского уезда Костромского края... Погиб первый русский Лермонт во время второй войны с Польшей в 1634 году под Смоленском».

После него род Лермонтовых в Чухломском и Галичском уездах, пограничных, кстати, с Вологодской губернией, разрастался, приобретая новые сёла и деревни. Всего было четыре линии этого рода. Из усадьбы Измайлово Чухломского уезда ведёт своё начало «измайловская» линия Лермонтовых, к которой принадлежал и Михаил Юрьевич.

Здесь, в Измайлове, у галичского уездного предводителя дворянства Петра Юрьевича Лермонтова родился отец поэта Юрий Петрович, о чём свидетельствует подлинный документ, обнаруженный А. Григоровым в Центральном военно-историческом архиве:

«Мы, ниже подписавшиеся, сим свидетельствуем в том, что артиллерии поручика Петра Юрьева сына Лермонтова сын Юрий точно из дворян, родился 1787 года декабря 26 числа. В веру греческого исповедания крещён Галицкого уезда села Никольского, церкви Николая Чудотворца священником Иоанном Алексеевым. Восприемниками были малолетний дворянин Павел Логинов сын Витовтов и майорша Анна Ивановна Лермонтова.

Правящий должность губернского предводителя Егор Крюков.

Тайный советник Александр Иванович Лопухин.

Коллежский советник Василий Васильев сын Рыкачёв».

В дальнейшем дед поэта Пётр Юрьевич продал своё Измайлово с деревнями и купил в Тульской губернии имение Кропотово, став, таким образом, тульским дворянином вместе со своим сыном Юрием.

Интересная деталь: «...Крестной матерью отца поэта, как видно из документа, была его родная бабушка Анна Ивановна Лермонтова – мать Петра Юрьевича.

Она была внучкой казнённого в 1697 году за участие в заговоре против Петра Первого Цыклера – Соковнина, стольника Фёдора Матвеевича Пушкина, о котором Александр Сергеевич написал в своём стихотворении «Моя родословная»:

Упрямства дух нам всем подгадил,
В свою родню неукротим,
С Петром мой пращур не поладил,
И был за то повешен им.»

А внучка пушкинского пращура стала родной прабабушкой Михаила Юрьевича Лермонтова. Таким образом, через неё Лермонтовы оказались в родстве с Пушкиными.

Надо сказать, что представители многочисленного рода Пушкиных тоже имели свои владения в Чухломском и Галичском уездах Костромской губернии и жизненные их пути на службе Отечеству наверняка не раз пересекались.

Так, один из предков Александра Сергеевича Семён Михайлович Пушкин был в конце шестнадцатого века государевым писцом в Вологде, а его внук Пётр Тимофеевич в 1615 году почти одновременно с Георгом Лермонтом «за очищение (от поляков и литовцев) и за рану» был пожалован вотчиной в Галичском уезде.

Его же сын Пётр Петрович Пушкин «участвовал в войне с турками, а в 1681 году – с крымцами, за что пожалован вотчиной 196 четвертей», в том же Галичском уезде.

А когда Архангельским губернатором в 1743–1745 годах был Алексей Михайлович Пушкин, то при нём ревизию (перепись населения) проводил ревизор секунд-майор Яков Евтихиевич Лермонтов – младший брат Матвея Евтихиевича – прапрадеда поэта Лермонтова. Ревизорская служба привела Якова Евтихиевича в деревню Мишанинскую под Холмогорами, где он переписывал родственников Михаила Васильевича Ломоносова, бывшего в то время профессором химии Петербургской академии наук.

Два великих русских поэта никогда не встречались, а вот брат Александра Сергеевича Пушкина – Лев Сергеевич, был очень дружен с Михаилом Лермонтовым в последний год жизни поэта.

Л. С. Пушкин служил на Кавказе в драгунском полку и однажды, будучи в Пятигорске, находился вместе с Лермонтовым в гостях у Верзилиных, где стал свидетелем ссоры поэта с Мартыновым. В день же дуэли 15 июля 1841 года он и Лермонтов с общими друзьями обедали в «колонии» Шотландка. Из этой самой Шотландки Михаил Лермонтов, потомок древнего шотландского рода, и поехал на дуэль....

Здесь уместно будет сказать, что Михаил Юрьевич Лермонтов был в родстве с английским поэтом Джорджем Гордоном Ноэлем Байроном. Об этом впервые поведал нам в семидесятых годах прошлого века писатель Овидий Горчаков, открывший, что отец Байрона в 1787 году женился на Екатерине Гордон, которая по женской линии происходила из шотландского рода Лермонтов, давшего мировой поэзии ещё в средние века известного поэта Томаса Лермонта, автора знаменитого рыцарского романа в стихах «Тристан и Изольда».

...А что же вологодские Лермонтовы? В каком же родстве они с поэтом?

Пармен Матвеевич – владелец Кувшинова, и его родная сестра Павла Матвеевна – дети Матвея Евтихиевича Лермонтова, который был, как мы уже говорили, прапрадедом великого поэта. Так что родство самое прямое по «измайловской» линии рода Лермонтовых.

Живя на Вологодчине, они породнились со многими вологодскими дворянскими фамилиями.

О Павле Матвеевне мы уже говорили, а Пармен Матвеевич Лермонтов был женат на Марии Васильевне, урождённой Барш. В то же время она – племянница Алексея Васильевича Олешова, который был женат на младшей сестре великого русского полководца и генералиссимуса Александра Васильевича Суворова – Марии Васильевне. Он, по словам вологодского краеведа Ф. Фортунатова, приезжал к своей сестре в Вологду с сыном своим Аркадием.

Дочь Пармена Матвеевича Лермонтова Маргарита была женой Петра Тимофеевича Мельгунова – представителя также известной вологодской дворянской фамилии.

В «Материалах для оценки земель Вологодской губернии» за 1911 год по Кадниковскому уезду за Лермонтовыми числится деревня Залесная Азлецкого прихода, а деревня Афанасьево Грибцовской волости и сельцо Большой Двор с деревнями Воксино и Воробьёво Корбангской волости за Суворовым-Рымникским Александром Аркадьевичем – внуком полководца.

В ближайших к Вологде уездах находились усадьбы Брянчаниновых, Зубовых, Засецких, Межаковых, Квашниных-Самариных, Мерцаловых, Челищевых, Левашовых, Волковых, Грязевых, Бердяевых, Батюшковых и ещё многих других, о которых мы пока очень мало знаем.

Как не сказать тут, что история вологодского дворянства ждёт своего исследователя.

ОБ ОГРАНИЧЕННОМ ИНТЕРНЕТЕ

Платон БЕСЕДИН

(г. Москва)

ЗАМЕТКИ О СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Я СТРИГСЯ в парикмахерской. Там, где всегда. А рядом – плотный, краснолицый человек. Он много говорил и читал стихи. Пламенные, раскалённые, но топорно-примитивные. Будто Незнайку, от которого всем балалайка, скрестили с Мальчишом-Кибальчишом.

И вот, начитавшись своей поэзии вдосталь, краснолицый не без гордости заявил:

– Можешь поздравить меня, Анечка, с первой публикацией. Напечатали! – последнее слово он произнёс едва ли не по слогам.

– Ой, поздравляю! А где? – спросила парикмахерша так, будто разбиралась в вопросе.

– Стихи.ру,– отрапортовал автор.

Или вот другой человек – мальчик одиннадцати-двенадцати лет. Постоянно отмечает меня в своих публикациях в социальных сетях, а там – стихи. Без указания авторства. Человек начитанный может узнать поэзию Блока, Тютчева, Мандельштама или даже Гандлевского. А вот человек менее начитанный может и не узнать. Боюсь, на то и рассчитано. На комментарии вроде: «Какие у тебя чудные стихи, Славик». Или: «Ну, это твоё про клозеты – так себе...»

Собственно, я это к тому, что так называемая сетевая литература – в той или иной форме – она повсюду. Она как ларёк с шаурмой (ну, если это не Москва только) – нет-нет, да и перекусишь. Наспех, не слишком разжёвывая, чаще всего не насыщаясь. И в этом есть своя прелесть, свой вкус. Но есть и своя угроза.

Кирилл Анкундинов на страницах «Литературной газеты» опубликовал материал о сетевой литературе – «Подмена или зеркало?». Заключение её таково: «Высокая литература» должна обучать и просвещать «сетевую литературу», давать ей живые примеры качества практики. Так она не только спасёт, но и преобразит, неизмеримо улучшит и обогатит себя, поскольку обретёт себя». В общем, спасение коллективное – весьма русский путь. Впрочем, название статьи можно было бы дать и без вопроса.

Мне же ближе дефиниция не «высокая литература», но – «литература большая». А её либо нет, либо, если взглянуть оптимистичнее, крайне мало сейчас. И речь тут не о масштабах. Не о романах-эпопеях, выложенных в открытый доступ и смотрящихся на экранах аки саранча, напавшая на разумных существ, но о надсмыслах, о роли, о качестве. О её месте в истории, наконец, как засечном камне цивилизации.

Ещё одно обращение к статье Анкундинова. «У «сетевой литературы» масса минусов, перешибаемых одним-единственным плюсом: «сетевая литература» – честная литература. Окно «сетевой литературы» показывает то, что есть в нашей культуре». Честность всегда хороша для исповеди, да, но в литературе можно, если мастак, и играючи полукавствовать. Однако важнее иное – что есть честность в данном случае? Честность – от слова «честь»? В контексте искренности и следования правде? Правде как истины и справедливости?

Сомневаюсь, потому что путь к «сетевой литературе» порочно прост. На нём нет ни одного препятствия. Разве что своевременная оплата за интернет. Ты пишешь текст. Размещаешь его в интернете. Ctrl + C – Ctrl + V – и ты в литературной игре, друг. Далее тебя должны заметить. И оценить. И зауважать. Ну и в итоге – издать на бумаге. Сетевая литература перестаёт быть сетевой и переходит в книгу с хорошими тиражами. Обратный путь, может, и есть, но я не слышал.

В сетевой литературе слишком многое зависит оттого, насколько твоё произведение резонирует с настроениями масс. Насколько оно цепляет людей в конкретный момент. И в данном контексте сетевой стих или рассказ ничем не отличается от поста в социальных сетях. Собственно, пост есть тоже часть сетевой литературы, её весомая часть.

Однако в любой игре есть свои правила. И в случае сетевой публикации не соблюдаются правила большой литературы. А та, как правило, элитарна, иерархична. Это потом она – для всех и в школьной программе, а сперва – сугубо для узкого круга лиц, иногда даже для маргиналов. Она – вещь в себе, закрытая внешними камуфляжными смыслами, она требует объяснений. Подобно тому, как Дух дышит, где хочет, так и настоящее произведение обрастает новыми смыслами – сама жизнь, подражая, добавляет их,– переходя на новую ступень бытия. Элитарное становится общим. Главное – чтобы при этом нашлись жрецы-толкователи.

В успехе же сетевой литературы – в большом успехе – обязателен элемент толпы, а толпа всегда ошибочна, импульсивна; она распадается в пути на длинные расстояния. В том числе и из-за этого столь мало авторов вышло из сетевой литературы. Сито «толстых» журналов и премий – куда более плодородно. Потому что там есть преодоление трудностей, преодоление себя и страха себя, без чего невозможна настоящая большая литература. Она всегда густо замешана на страданиях и рождена на разломах духовных тектонических плит. В ней – своя иерархия, своя лестница в вечность. Редактор может заметить, благословить – «дать дорогу». А может травить, не замечать или отвечать в хамском тоне перезрелой вахтёрши. Но и в том и в другом случае автор должен оказаться сильнее. Ему надо преодолеть и себя, и оппонента, и текст – он, если уж встал на данный путь, обязан идти по нему дальше, и никакие насмешки, никакие угрозы не смогут дезориентировать его. Талант иногда уходит надолго, но он всегда возвращается, если ты мужественен, как писал Юрий Казаков.

С выкладыванием своего произведения в Сеть, наверное, тоже необходимо определённое мужество – как минимум, прочитать, если будут, комментарии позже, но это экзистенциальная пытка, куда меньшего свойства. Это спринт, но не бег на большие дистанции. И спринт без препятствий.

Я снова и снова возвращаюсь к данному «барьерному» аспекту, потому что без него творчество невозможно. Все эти редакторы, критики, литературные журналисты, которые могут стать трамплином, а могут закудрявиться колючей проволокой, так или иначе – через любовь или ненависть – делают автора сильнее. И даже если он не попадёт в их почти тайное сообщество, то отправится против течения, черпая вдохновение в изгнании.

Нужно постонать перед редакциями, рухнуть на самое дно, ощутить свою бездарность – и в итоге либо умереть, либо переродиться. Писательство – не кошечек в социальных сетях постить. И те, кто, бравируя и рисуясь, говорят: да мне, мол, писать радостно и легко, не напрягаясь, – либо врут, либо писать не способны. Да, брат, писать, и правда, трудно. А ещё труднее убедить банду снобов, охраняющих свои журналы, газеты и премии, точно нефтяные месторождения, что ты имеешь право писать и считаться хорошим писателем. Странно, но толпу убедить в этом легче.

Сетевая литература обходит многие препоны. Там иные принципы отбора, другие рычаги влияния. И во многом – другие задачи. Собственно, из первого – из отбора – вытекает всё остальное.

«Толстый» журнал, как клуб избранных, подразумевает селекцию. С сетевой литературой всё сложнее; неслучайно её называют кладбищем текстов. Это гигантское неструктурированное поле хаоса, в котором периодически образуются упорядоченные формирования. Таковыми, например, являются электронные журналы.

Я сам редакторствую в журнале «Литерратура», набравшем мощные обороты. Попасть к нам – задача не из простых, однако в плане подхода к авторам мы изначально работаем на принципах «толстых» журналов. А вот с формой – можно экспериментировать. Это вообще плюс сетевой литературы. Когда возможны различные вариации с дизайном, аудио-, видеонаполнением и т.д. Именно синтез свободы формы и строгости «толстожурнального» подхода единственно способен дать сетевой литературе положительный результат.

Однако в целом читатель сетевой литературы, как правило, сталкивается с хаосом, похожим на забытый склад текстов, где никто никогда не проводил инвентаризации. Взять можно что угодно, взять бесплатно, но проблема заключается в том, чтобы отыскать необходимое. Отсутствие структуры, иерархии приводит к растеканию, расползанию всего организма. Читатель вынужден иметь дело со случайным продуктом, руководствуясь не его качеством, но сиюминутной популярностью, а популярно то, что более массово – и это такой себе уроборос, обман потребителя через генератор случайных мнений, через коллективное сознание, в котором этот потребитель сам, как правило, невольно участвует, превращаясь в соучастника вопреки своим намерениям.

Сетевая литература не есть отражение культуры, она скорее есть отражение того, что уже порождено культурой на более ранних этапах, отражение выброшенного, вытесненного ею, точно пена, на поверхность. Ведь, напомню, само слово «культура» происходит от глагола colo, colere – возделывание, но в случае сетевой литературы речь идёт не о возделывании, но о быстрой высадке зёрен или спешном снятии урожая.

Это данность, которую принять нужно. Без особой радости или печали. Однако, приняв, необходимо снизить риски, угрозы для большой литературы, избежав всепоглощающего океана текстов, когда посредственность своим непрерывным размножением автоматически занижает планку, оставляя действительно произведения вне зоны доступа; у читателя, накормленного фастфудом, попросту атрофируются должные вкусовые рецепторы, он перестаёт различать качество продукта.

И тут большая литература не может обучить или просветить литературу условно малую, потому что отличник, оказавшись рядом с двоечником, неизбежно скатывается до его уровня. Вопрос заключается не в интеграции одного в другое, но в равноправном параллельном существовании, когда пересечение происходит сугубо в оговорённых заранее точках (например, в повышении уровня электронных журналов, в привлечении авторитетного жюри к конкурсам сетевой литературы и т.п.). Важно, чтобы большая литература, вспоминая слова Анкундинова, просвещала и обучала сама себя же, чтобы она задавала планку себе же и тем самым литературе сетевой, существуя от неё автономно и избегая бесполезного слияния.

Сетевая же литература продолжает оставаться плавильным котлом, куда сбрасываются всё новые и новые тексты, неизбежно теряющие там свою индивидуальность. Первые произведения становятся последними и вновь переплавляются в первые – всё это, на самом деле, абсолютно неважно. Ключевыми остаются те направления и тренды, те интересы масс, которые можно отследить, гадая, словно на кофейной гуще, но в данном случае, видимо, на бурлящей текстовой стали, по сетевой литературе. Она – важнейший индикатор происходящего не в культуре (в её элитарном, подчас даже снобистском понимании), но в масскульте, в бытовой, если угодно, реальности. Она – послание обывателя миру, обывателя, стремящегося к чуть большему, нежели просто сидение в офисном кресле или залипание у экрана. Такова ненавязчивая проповедь слова с минимальным числом страданий и рисков.

К размышлению.

Жорес Алферов: ИНТЕРНЕТ НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОСТУПЕН ВСЕМ

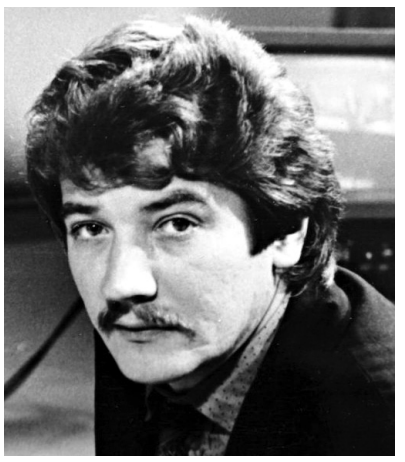
Лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов, физик с мировым именем, руководитель Санкт-Петербургского научного центра РАН выразил сожаление, что электронные технологии сейчас общедоступны, «а должны быть ограничения». Сказанное относится и к ресурсам мировой Сети.

«Интернет должен иметь ограничение,– заявил академик Алферов в «Российской газете».– Интернет не должен быть доступен всем».

Такую позицию ученый мотивировал тем, что полное отсутствие контроля и разумных ограничений наносит вред людям, влияет на их поведение, нравственные ориентиры и психическое здоровье. «Мы сегодня одурачиваем население,– констатировал Жорес Алферов.– И получаем массу проблем».

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Владимир КУДРЯВЦЕВ



Владимир Валентинович Кудрявцев (13.10.1953 – 28.06.2013) родился в деревне Попово Костромской области (родина Ивана Сусанина). Журналист и поэт, член Союза писателей и Союза журналистов России. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работал редактором молодежных программ на областном телевидении в Череповце. В 1982–1988 гг. был редактором газеты «Вологодский комсомолец». С 1990 по 2001 годы работал начальником департамента культуры Вологодской области. При его заинтересованной поддержке вышли в свет литературно-художественные альманахи «Литературная Вологда», а также были изданы книги вологодских писателей в серии «Вологда. XX век». Владимир Кудрявцев считал Вологду своей духовной родиной. Здесь он начинал свой творческий путь и обрел поэтическую судьбу. Был участником областных и всесоюзных совещаний молодых литераторов. Печатался в местных и центральных газетах и журналах, в поэтических сборниках и альманахах, изданных в Архангельске и Москве. По первой книге «Венцы» с предисловием Виктора Коротаева В. Кудрявцев был принят в члены Союза писателей России. Затем вышли поэтические книги: «Мы рубим дом», «Алевтинин ручей», «Заклинание», «Благословение», «Пророчество кукушки», «Времена года», «Исповедальный день» и книги прозы: «Страна Залесье», «Град Китеж» (лирические рассказы о детстве).

НУ ГДЕ Ж ТЫ, СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК?..

* * *

Крыльцо родное, как престол.
На царстве бедственного края.
Я в детстве на него взошел
И до сих пор не отрекаюсь.
И верой-правдою служу
Ему, чужие взяв столицы,
А нашу старую межу
Я охраняю, как границу...

* * *

Болезненный озноб столбов.
Я видел, как обрывки ветра
Сорвали с черных проводов
Серебряные капли света.
То морось. То ленивый снег.
У власти – серая погода.
Ну где ж ты, светлый человек?
Молчит народ. Молчит природа...

* * *

Сиротливо сгорбились в деревне
Избы, пережившие века.
С ними только верные деревья,
Да сторожевые облака.
Радуга над нею держит своды,
Теплит ночь над крышами звезду.
Из последних сил громоотводы
Отвести пытаются беду...

ПАМЯТИ БЕЛОВА

Он землёю был возвышен,
И унижен был на ней.
Что ему открылось свыше
На исходе сил и дней?
Глубока ты, скорби чаша.
Мгла царит, где правил свет.
Он ушёл, не всё сказавши,
Не на всё найдя ответ.
Грешным, нам не отмолиться.
Всё больней, тесней в груди.
Он предвидел, что случится,
Знать бы нам, что впереди?..

* * *

Отключусь от телефонной связи.
На бугре часовня без креста.
Гибельный ольшаник у моста
Весь в коросте пожелтевшей грязи.

Надо мною хаос облаков.
Ухожу... Вокруг светло и голо.
Но не с камнем – с думою тяжёлой,
И не в омут чёрный – вглубь веков...

* * *

Сельская площадь. Гуляет корова.
Флаг у правления, поднятый в честь
Механизатора Славки Седова.
Дальше размыто дождём – не прочесть...

Площадь почёта, волнений и казни.
Скорбный свидетель побед и невзгод.
Так отчего же здесь даже на праздник
Не собирается нынче народ?

Взмыли грачи над берёзовой рощей.
Село на изгородь вороньё.
Пусть и не Красная – сельская площадь,
Но и державной не быть без неё...

* * *

Не плач прощальный журавлей
Сведет с ума – не ветер резкий –
Сиротство брошенных полей,
Веселье буйных перелесков.
Безмолвье ягодных болот,
Тоска смертельная погостов,
Задумчивость стоячих вод
И бесшабашность перекрестков...

* * *

На завалинку, сощурясь, сяду.
«Беломором» в сладость затянусь.
Пусть плывет над гребнем палисада
Табачком приправленная грусть.
Пусть на час душе полегче станет.
Отдохну я от больших дорог.
Пусть закат, паря, как после бани,
У моих босых остынет ног...

ВЕСНА НА РОДИНЕ

Холодный до озноба свет
Течет от свадебных черемух.
Но ни души в округе нет –
И тишина подобна грому.
Сады, как белые венки,
На месте вымершей деревни.
Но слышу, смерти вопреки,
Трель соловья в кустах сирени...

* * *

Тихая, мирная, ясная
Ночь. Ворожит тишина.
И ко всему безучастная
В омуте дремлет луна.

Господи! Даже не верится,
Что этот мир – наяву!
Звёздная сыплет метелица
На луговую траву...

* * *

Мой беспорядок. Твой уют.
И ты, так много мне прощая,
Как добрый ангел, жизнь мою
Хранишь, сама того не зная.
Так прогони сомненья прочь,
Моя святая половина.
Спасибо, милая, за дочь.
Спасибо, нежная, за сына.
За боль твою и непокой,
Неравнодушные упреки,
За то, что в жизни не простой
С тобою мы не одиноки.

* * *

Пыльный привкус полдневного зноя.
Вдоль дороги поля в зеленях.
Я шагаю, людьми не расстроен,
Здесь лишь птицы поют для меня.

Ветер встречный, а грудь нараспашку.
Воздух золотом солнца прошит.
Примеряю простор, как рубашку,
Здесь он мой – по размеру души...

16 мая 2012 года

* * *

Живём, цепляясь друг за друга,
Чтобы в беде не сбиться с круга,
Чтобы в дороге не упасть,
Не затеряться, не пропасть...

Живём бедово и бескрыло.
Одним – и суматошным днём.
И тем, что есть, и тем, что было,
Пока живём. Пока живём...

30 декабря 2012 года

* * *

Он рядом, слышу, Бог со мной.
Он растворён во мне, в народе.
Волна находит за волной –
То благодатный свет Господен.

Благоговейный трепет свеч,
Пьянящий аромат кажденья.
Смогу ли свет в себе сберечь,
Свет Божьего Преображенья?!

19 августа 2012 года

* * *

Огненно-алый восход.
Цвета созревшей малины
Солнце лениво встаёт,
Блещут росою низины.

Новый рождается день.
Вот, обожжённая солнцем,
Краешком поля крадётся
Сочно-зелёная тень.

Тайну рождения дня,
Может, узнаю сегодня.
Благослови же меня,
Щедрое Лето Господне!..

17 июля 2012 года

Адрес издания: literator35.ru
Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru
Издание подготовлено к печати при поддержке депутата ГД РФ Е. Б. Шулепова.

Главный редактор А. А. Цыганов.
Редакционная коллегия: С. П. Багров, Р. А. Балакшин, В. Н. Бараков, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина.
Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы.

Тираж издания 1000 экз.
В розницу цена свободная.
Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».
Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 1181. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически – 27.03.2018 г. в 12.00. Выход в свет – 29.03.2018 г.